

КНЯЗЬ

рассказ

Славик Князев уже месяц ждал этих выходных. Складывалось всё удачно. ЕГЭ остался позади, минимальный балл для поступления в местный «пед» хоть с трудом, но набран. На радостях родаки раскошелились и взяли новый комп, вполне такой мощненький. Уговор один — игрушки Славик теперь вынужден покупать на свои кровные. Торренты никто не отменял, но не сидеть же всё лето офлайн. А тут ещё в «стиме» летняя распродажа и баба Фрося в Сварожье к себе позвала. Край таёжный, папоротником славится. И пункт приёма есть. Тыщёнку — другую поднять можно. Как раз на «Батлфилд» новый.

Поэтому сейчас парень и брёл по лесу в джинсах, заправленных в дурацкие резиновые сапоги с жёлтым цветочком на голенище, с пустым мешком за плечами и лютой ненавистью ко всему деревенскому в сердце. Отмахивался от назойливой, кусачей мошкеры, безжалостно загоняющей жертву, ругался, то и дело забывая оглядываться по сторонам в поисках вожаков кустов. Солнце палило нещадно. Предусмотрительно нацепленная белая бейсболка не помогала. Хотя сейчас производи трепанацию и подавай каннибалу Ганнибалу варёные мозги в кокосе-черепушке.

Славик никогда бы не подумал, что в лесу может быть так жарко. Где же воспеваемая поэтами тень и прохлада под сенью вековых сосен? Было ощущение, что какой-то безумец посвятил жизнь беспорядочной установке телеграфных столбов в поле. И Славик теперь как дебил блуждал меж ними. Да, похоже, не видать ему «Батлфилда». Пора возвращаться, пока тепловой удар не хватил. Только передохнуть надо.

Сбросив рюкзак на траву, сел, привалившись спиной к поваленной сосне. Снял бейсболку, потрянул взмокшими рыжими кудрями, смахивая капельки пота. Нестерпимо хотелось спать. Где-то невдалеке слышалось пение. Вроде не колыбельная и слов не разобрать, а в сон клонит. Славик прикрыл глаза. Деревня! Такая жара, а они хороводы водят. Эх, сидеть бы сейчас дома, врубить «контру», кондей...

Не цедилка* с иглой на костре маня,
Привела меня жгучей болью к тебе.
Ты же знаешь, Княже, я боюсь огня,
Но и ты тогда будь покорен судьбе.

Славик встрепенулся. Не хороводы, значит. На поляну, напевая что-то неразборчивое в духе фолк-рока, вышла девушка, почти девочка, с корзинкой в руке. Светловолосая, босая, в белоснежном венке и простой длинной рубахе.

«Ну и одёжа, на саван похожа, — поморщился Славик, — сельская, поди. Точно! Купала ж сегодня, вот и вырядилась. Поёт». Странно было то, что шла она из глубины леса, а не со стороны деревни. Девчонка была миловидная, даже красивая. Стройная, загорелая.

Славик таких сторонился. Заговоришь, потом проблем не оберёшься. Ясно, что не одна. Босая, значит, прикатила с кем-то. Встречаться с ухажёром или ухажёрами этой красотки да ещё в лесу Славику не хотелось.

— Чего тебе? — буркнул он.

Девушка нерешительно замерла на краю поляны. Было в ней что-то неуловимо знакомое. То- ли в деревне видел, то- ли похожа на кого.

— Ничего, — девчонка удивлённо пожала плечами, — землянику будешь? Я вот насобираю.

— Чо?

— Землянику, — девушка подняла корзинку и сделала несколько шагов к парню, — а ты за травами пришёл?

— Ну. За папоротником.

— Не местный, — засмеялась она, — он уж месяц как негодным стал. Или ты счастье найти хочешь? Жар — цвет сорвать? — девушка подошла ближе и уставилась на парня своими синюшими глазами. Странные были глаза. Вроде ясные, как безоблачное небо, а присмотришься — с тёмной поволокой, точно дымок от костра ввысь поднимается. У Славика ощущение возникло, словно он в колодец заглянул. Глубоко, и что-то неясное на дне плещется.

— Рыжий! — девушка засмеялась и выдернув из своего венка сине-жёлтый цветок, внезапно запустила тонкие пальцы в шевелюру Славика. Оставила в волосах лепестки, коснулась лба.

Стало легче. Ладонь прохладная. Или просто солнце за макушками сосен скрылось. Приятно...И нравы тут вольные, похоже... но Славик отпрянул, залился краской. Знал, прикасалки с чужой девчонкой без последствий не останутся. Деревенские дискотеки-притча во языцех. И то, что после них бывает - тоже. Мотоциклетной цепью по харе — приятного мало. Валишь надо бы отсюда. Но просто так сорваться и бежать, вроде как стыдно. Повод бы найти.

— Жарый. Пальцы помнят, — шепнула смуглянка в «саване».

— Чего?!

— Ничего. Тебя солнце поцеловало.

— Перегрелся, в смысле? — забеспокоился Славик.

— Нет, — вновь засмеялась светлокосая, — Красивый ты. Огненный. Ярый. Тебе папоротник не нужен. Ты сам цветок.

Славик покраснел пуще прежнего.

— Ты... это...тоже красивая. На Марго Робби похожа, вот! Ну, на Харли Квинн из Отряда самоубийц, — торопливо пояснил Славик, перехватив недоумённый взгляд девушки, — фильм такой. Не смотрела?

Та лишь пожала плечами:

— Выходит, повезло ей. Цветок, смотри, не выбрасывай. Идёт тебе. Это марьянник, Иванова трава. Ну, Иван-да-Марья, неужто не слышал? Твой цветок. Сегодня как раз в силу вступает. Солнцестояние же.

— С чего мой-то? Я не Иван. Ярослав. А тебя, кстати, как зовут? — чёрт, сорвалось непроизвольно. Заворожила что ли? Теперь уже не развернуться, не уйти. Славик читал о пикапе, НЛП. Враньё. Проверял — не работает. Да и откуда деревенской белобрысой дурёхе о таких вещах знать, если даже о Харли Квинн не слышала.

— Кстати ли? — Девушка подняла на него свои странные сине-дымчатые глаза и склонила голову на бок. Словно задумалась о чём,- Меня... меня Маринкой кличут... Афанасьевой, — наконец произнесла она неуверенно, — Так что и мой это цветок тоже.

В цветах Славик не разбирался, поэтому оставалось по примеру незнакомки пожать плечами. Что он и сделал.

—А ты смешной, Ярко. И бесстрашный, — девушка присела на поваленный ствол, — И если уж мы о цветах заговорили, неужели так папоротник манит?

— Бесстрашный? — насторожился Славик, — Тут что, волки?

— В тайге? — девушка удивлённо вскинула тёмные ресницы? — Волки? Да ты что!

Издевается! Ситуация Славику нравилась всё меньше. Не любил он странности. Да и людей не слишком-то привечал. Живых. Вот в соцсетях, где сотни две друзей — дело другое. А с этими... реальными. Стрёмно как-то. Вон, даже лопочут непонятно.

А деваху гнула своё:

— Разве не слыхал, что в этом урочище на Иванову ночь каждый год люди пропадают?

— Брось! Страшилки это всё. Тут пожары летом каждый год. Леса горят, люди гибнут. Всё как всегда. Кстати и про местную психушку я баек уже наслушался, не начинай. И я хоть городской, но каждое лето тут. И как видишь живой.

— Живой, — как-то странно протянула девушка, и, словно желая в этом убедиться, вновь потянулась к его волосам, — А может мнится только?

На сей раз Славик успел отшатнуться.

— Не трожь, обожжёшься, — буркнул он.

Девушка не засмеялась. Не улыбнулась даже. Наоборот, нахмурилась и, прищурившись, точно на солнце, пристально взглянула Славику в глаза. Стало не по себе. Где-то он о таком взгляде уже слышал.

— А люди пропадают. Мне не веришь — деревенских спроси.

— Деревенских? А сама ты какая?

— Я? — девушка на миг замолчала, — я... нездешняя.

Сердце Славика стукнуло пару лишних раз выбиваясь из ритма. «Чёрт! Фифа городская! Мог бы сразу понять! Видно ж штучное производство. Явно на заказ делана. Загар ровный как из солярия. Фигурка зачётная, упругая — такую в фитнес-центрах годами вытачивают, и в салонах шлифуют, а не на грядках задом кверху. Марго Робби, блин. Сейчас какой-нибудь Джокер на джипе вырулит и хана. Тут и закопает».

— Пойду я, — парень поднялся, — бабушке, помочь надо.

— Не торопись, Ярко, — девушка тоже встала, — Тебя сюда Пряха привела. Как и меня. Не разминуться нам на звёздном мосту. Цветок папоротника связал. Ты же не его искал. Меня.

Мы по кругу мироздания идём. Ты мёртвый, я — живая. Я жива, ты — мёртв. Только здесь, только в этот миг мы вместе.

Она вдруг прильнула к нему всем телом, обвила руками шею, и, привстав на цыпочки, поцеловала. Её губы были вкуса земляники, а волосы с запахом таёжной смолы и далёкого костра и ещё чего-то древнего, непостижимого.

— Княже мой, сколько я тебя искала! Моё счастье! Мой Цветок Папоротника, — её дыхание обжигало, а поцелуй становились всё неистовей, — Ты унижен, милый, растоптан, забыт, мёртв. Тьма безвременья твою ярость досуха вылакала. Одна оболочка осталась высохшая, тщедушная, страхами полная. Но я верну тебя Яр-Тур, Князь мой хмельной, светозарный. Это мой мир и я найду тебя. Только жди, не отворачивайся. Никто не знает, что такое Жар-цвет, какой силой обладает. Все лишь клады ищут. А это кровь. Кровь богини и пепел. Папоротник цветёт, когда я умираю. Ты так повелел, Яр-Хмель, но я тебя простила. И ты меня прости! Нет больше смерти, нет боли. Не саван это, милый — платье подвенечное. Я устала убивать, Княже. Устала умирать. Ты нашёл меня пред Ивановой ночью. Сохрани этот цветок, любимый, и ты всё вспомнишь. Как на поле бранном войска ниц падали, тебя приметив на коне белоснежном со щитом золотым и головой человеческой в руке. Такого я тебя полюбила и... предала. Сгубила, испугавшись ярости твоей, взгляда хмельного. Но ты восстал, вернулся. Нет моей власти над тобой. Только твоя на меня простирается. Отныне я рядом буду, если простишь, если не прогонишь. Спаси меня, Яр-Тур! Не оставляй! Не отправляй на костёр больше. Я люблю тебя, Княже! Люблю! Люблю!

Славик отшатнулся от сумасшедшей. Только сейчас он понял, что на ней — обычная больничная пижама. И привкус на губах непостижим лишь для тех, кто не разбирается в седативных препаратах. Взгляд вспомнил. Цепкий, пристальный, ненормальный. Вспомнил и о Сварожской психлечебнице. Оттолкнул психованную от себя. Отпрянул сам. Нога подвернулась, небо опрокинулось, на миг слившись с синевой глаз умалишённой и... наступила темнота...

К поверхности Славик продирался с трудом, сквозь толщу мути, тошноты и кошмаров. Как Ра на своей ладье. Цепляясь за скользкие камни сознания, наконец выбрался на берег. Сел, протёр слипшиеся веки. Голова гудела. Но от удара или перегрева? Поднёс руку к затылку. Шишки вроде нет. Крови тоже. И, главное, никаких следов сумасшедшей, значит сон. Только в кулаке зажат какой-то смятый вонючий цветок. Противный, маслянистый. Славик растёр его на пальцах. Брызнула жижа, похожая на кровь. Галлюциноген может какой, отсюда и кошмары. Парень швырнул эту мерзость на землю и раздавил сапогом. Огляделся. О чудо! Вся поляна была усеяна кустами орляка. Как он не заметил сразу? Выкинув бредовый сон из головы. сбросив с плеча мешок, Славик кинулся срывать листья папоротника.

— Ну чего ты сидишь-то сиднем? — причитала баба Фрося, — Глянь, какая благодать на улице. Сходил бы с ребятами на речку, поглядел как Маринку жгут.

— Какую ещё Маринку?

— Чучело ведьмы. Марены. Ночью колесо подпалят, с пригорка покатают. Купала же! Отлипни ты от своего компьютера, погуляй. Может девчонка приглянется. Тут, ах, какие хорошие есть. В городе-то не встретишь. Порченные все.

— Да ну их, — отмахнулся Славик, — в печёнках уже эти сказки, обряды, да и девчонки тоже. Итак кошмары сняты. Не мешай, баб Фрося.

Пискнул скайп. Парень нацепил наушники.

— Привет труженикам села! Как твоя глухомань? — раздался бодрый голос Серёги
— Глухомань достала. Остальное — ок. Два косаря за пару часов! На приёме только языками поцокали. Чудо, говорят, не сезон.
— Не хило, — присвистнул Серый.
— А то! Правда, перегрелся малость. Сморило. И сон стрёмный приснился. Деваха на Харли Квинн похожая. Прикинь? И сумасшедшая такая же.
— Маргошка крутая! Чё стрёмного-то? Не дала?
— Нее, наоборот, ересь там несла про любовь что-то, про вечность. Совсем поехавшая. Цветочки, кровь, головы человечьи.
— Ха-а! Да, во сне не засадить согласной Марго — стрёмно! Так облажаться только ты можешь.
— Отвянь. У вас-то как?
— У нас тоже жарница и гроза была. В общаге провода замкнуло, пожар начался. Шаровая молния, говорят. Девчонка одна сгорела. Новенькая. С нами учиться должна была. Только приехала, вот и не было ещё в списка, при эвакуации не заметили.
— Да уж не повезло, — вздохнул Славик, — Жаль. А я вот новую «Батлу» взял.
— Класс. Кидай ник. Зарубимся!
— Князь Ярило 666, — добавляй в друзья.
— Клёво, Яри!. Сейчас... Ну, давай, погнали. Ты кем?
— Как всегда — огнемётчик. Люблю всех жарить. Прикольно.

Издали от реки доносились визг и хохот. На миг среди них почудился слабый девичий стон, переходящий в крик боли, но его тут же заглушили весёлые напевы:

И никто не скажет тебе сколько лет,
Я искала тебя, по мирам брела.
Но сегодня с тобой нас венчал рассвет
За тобой, Ярило, Марена пришла...

— Дебилы, — поморщился Славик и включил звук громче. «Батлфилд» уже загрузился. Парень улыбнулся. Он был по-настоящему счастлив. Лето наконец-то становилось нормальным! Князь Ярило 666 проверил запас зажигательной смеси и поднял ствол огнёмёта. Жатва началась. Поля сражений ждали.

*

Где-то у реки пылало соломенное чучело в белоснежном венке невесты. Клубы дыма поднимались к небу такому синему и безоблачному. Чистому. Всё выше... выше... выше...

Приложение:

Песня Мары

Не разрыв-трава то огнём горит —
То сияют кудри как лесной пожар.
И не звёзды-планеты сошли с орбит —
То сверкают глаза, ярче лунных чар

Не цедилка* с иглой, на костре маня,
Привела меня жгучей болью к тебе.
Ты же знаешь, княже, я боюсь огня.
Но и ты тогда будь покорен судьбе.

Светоносный княже, не кали иглу.
Не гони ты ведьму в Иванову ночь.
И не жги котят*, а меня приголубь.
А жар-цвет, любимый, нам должен помочь.

Ты вплети мне в венок, его, летний князь.
Баню затопи, да попарь на полке..
С тела моего смой земную ты грязь.
И спустись, князь, со мной к плакучей реке.

Колесом огня да с горы вниз крутой,
С головой да в омут, ты, княже, нырни.
Это ночь моя, я сегодня с тобой.
Ни людей, ни русалок. Вместе! Одни!

А никто не скажет, тебе сколько лет
Я искала тебя, по мирам брела.
Но сегодня с тобой нас венчал рассвет,
И к тебе, Ярило, Марена пришла.

Пусть растает Смерть на устах твоих
Мы едины с тобой, мой бог, до утра.
*

Но червоную* трель заведут соловьи
И очнётся богиня в объятьях... костра.

Считалось, что цедилка (полотно для процеживания молока) с воткнутыми иглками, прокипячённая на купальском костре причиняет ведьме нестерпимую боль, заставляя прийти к ивановскому костру. Замеченных возле костра мелких животных, например. кошек, хватали и бросали в огонь, считая их воплощением ведьмы. Червень- июнь.

Та, Которую Не Ждут сказка о КОГНИТИВНОМ ДИССОНАНСЕ

Тест

Холодным надгробием из чёрного камня (а может, и не камня вовсе) возвышалась, вырастала из вечной пустоты и непроглядной тьмы башня. С начала времён с трагично-горделивой осанкой заброшенного маяка слепым циклопым оком вглядывалось в пустоту каменное создание. Вглядывалось до лопнувших от напряжения прожилок, до слепоты, единственным окном, забранном проржавевшими прутьями решётки.

И словно зрачок, виднелся за мутной слюдой стекла силуэт девочки. Светловолосая малышка – узница ли, хозяйка ли, замерла у окна, тоже вглядываясь вдаль. Будто ждала кого–то. Простенькое белое платье, напоминавшее саван, вышитый серебром тонкой лунной нити, казалось серым по сравнению с фарфорово-мёртвой белизной личика, застывшего перед темнотой, разорванной на слюдяные лоскутки холодным металлом ржавой решётки. Перед окном, которое могло распахнуться только раз...

«...тьфу, ну и мысли лезут в голову... М-да, коньяк и бессонница постарались, – Лев снял очки и на секунду прикрыл глаза. – Ну и одиночество, конечно. Одиночество и безысходность. Сработавшаяся квадрига. Могла бы посоревноваться и с более известной... Так, собраться, собраться! А то – хорош психолог!»

Лев снова нацепил очки на нос и взглянул на девочку, сидящую перед ним, затем искоса на маму, а потом на рисунок. Страшный. Тут и без анализа ясно. Тьма, тоска, одиночество... да что ж такое! И сюда мучившие его всадники добрались... Лев представил, что всё-таки скажет маме. Не вылепишь же в лоб: "Виолетте нужна помощь специалиста. А я всего лишь школьный психолог. Понимаете, Светлана... как вас там, бишь..." – почему-то Лев никак не мог запомнить её отчество. Ну не вязалось оно никак с ней. Молодая, красивая какой-то вызывающей, остервенелой красотой блондинка, в карих глазах которой, похоже, сотни полторы чертенят отливают золото. Так и пыхает огонь в бесовской кузне, – даже взгляд задержать страшно, приходится опускать, а там... – в общем, называется – глаз не отвести. В прямом смысле. Если она рядом, больше смотреть никуда не можешь. Неудивительно. Известно, что даже новорожденные, которым предлагали рассматривать разные лица, дольше задерживали взгляд на красивых. От Светланы они бы его вообще не отводили.

В общем, срабатывает стереотип физической привлекательности. И никуда не деться. Лев ненавидел себя за слабость. За непрофессионализм. Должен с ребёнком работать, а не на ноги матери пялиться. Мерзко это. А ещё хуже то, что проблемы явно есть. Девочка всё глубже погружается в воображаемый мир, уходит от реальности, а мама помочь не может. Или не хочет? Интересно, ей вообще есть дело до дочери? Может ли женщина выглядеть так, как Светлана, и уделять хоть толику внимания ещё чему-то? Будто шагнула с обложки журнала. Сама по себе чьё-то воплощённое желание. И мужа нет... Значит есть... кто-то ещё. Под сердцем шевельнулся склизкий червяк – смесь зависти и самоуничижения. Какого-то необъяснимого желания получить недостижимое. Сколько лет Лев его травил! Может быть, и психологом стал поэтому. Даже неплохим. А что толку? Всё понял, а изменить ничего не смог. Загадывай – не загадывай, желай – не желай, итог банален: одиночество, тоска, коньяк, бессонница...

Скрипнул старенький диванчик. Скользнул по линолеуму острый каблук. Светлана перекинула ногу на ногу. «Основной инстинкт», блин – горько усмехнулся про себя Лев, – а ведь похожа на молоденькую Шэрон Стоун! Те же правильные черты лица. Та же внутренняя сила. Пока её дочка Виолетта рисовала, Светлана сидела тихо, как прилежная школьница. На краешке дивана, напряжённая. Ноги вместе, руки на коленях. А теперь вот не выдержала. Торопит. Даёт понять, что устала. Чтоб не тянул. Так, ну а что всё-таки сказать-то?

"Понимаете, Светлана Николаевна... Детский рисунок – один из видов аналитико-синтетического мышления. Проще говоря, когда ребёнок начинает рисовать себя в неблагоприятных ситуациях, это свидетельствует о неблагоприятном эмоциональном состоянии. А ситуация, как мы видим, крайне неблагоприятна". – Господи, до чего же напыщенно звучит, что, он хочет поразить её своей учёностью? Вроде как женщины любят умных, так вот я умный. Берите... Можно прямо здесь и сейчас. Лев был противен самому себе. Умение понимать – кара, а не награда. Жалкий аналитик, захлёбывающийся в море фрустрации... «Три мудреца в одном тазу...» Но тех было хотя бы трое... Втроём можно что-то сообразить. Во всяком случае, на троих. Он же – один. Всегда один.

- Света, (можно я буду называть вас так), ибо Вы – единственный свет, который ещё существует в этой комнате, а может, и мире. Я имею в виду мир Вашей дочери после потери отца. Взгляните на самые общие моменты. Эта страшная башня в верхнем углу листа – такое расположение говорит о депрессии, сам рисунок выходит за пределы бумаги. А это – импульсивность, острая тревога...

Окно – символ контактов – одно единственное, маленькое и забранное решёткой. Дверь – признак открытости, достижимости. Её нет вообще. Вокруг тьма или клубы дыма – значительное внутреннее напряжение. Ну, а самое главное и тревожащее – это чёрный цвет, и никакого другого. Только белое пятно лица ребёнка. – Да и меня очень тревожит подруга Виолетты, которая живёт на небе. Даже при самом невинном раскладе, если мы не будем касаться альтер эго, это говорит о недостатке физического общения... о глубине отчуждённости И ещё... простите меня, я хотел бы... в смысле не хотел, а должен спросить... вынужден... о вашей интимной жизни. Вы... часто меняете...хм... партнёров?

Не любила Вета рисовать. Но она очень любила маму. А мама попросила. Чтоб она нарисовала то, что скажет дядечка в очках. Вета было заупрямилась. Глупо рисовать не то, что хочешь. А что тебе говорят, но потом поняла, что сейчас с мамой лучше не спорить, потому что происходит что-то важное. Мама была серьёзная. Она не улыбалась как обычно. И брови были сдвинуты и ногти впиваются в ладонку. Вета не хотела расстраивать маму ещё больше. Ей и так очень тяжело. Без папы. Вете тоже было тяжело, то маме хуже, у неё нет Кирюши и Нежки. Их-то сейчас Вета и рисовала. Она хотела нарисовать и папу, но в самом начале дядечка сказал, что рисовать надо только тех, кто сейчас рядом, кого она часто видит. Папу Вета не видела уже три года, но всё равно не поняла, почему его не надо рисовать. Она очень скучала без папы и, хоть рядом его не было, но он ведь – семья. Потому что семья, как знала Вета, это самые близкие люди, и она, когда вырастет, то обязательно женится на Кирюшке. И никогда никуда его не отпустит. Вот мама однажды

отпустила папу в одну дальнюю-предальнюю волшебную страну Этернию, кажется, и папа не смог вернуться. Ведь из волшебных стран вернуться очень трудно.

Мама больше жениться не стала, поэтому и проводит всё время с ней, даже из садика забирает намного раньше. Это здорово, на самом деле. Потому что с мамой интересно, она столько сказок знает. А Вета очень любила сказки. Почти так же, как маму, Кирюшу и Нежку.

Нежка – это была подруга Веты. Но приходила она почему-то только ночами, во сне. Вот и получалось так, что Вета очень любила ещё и спать. И это очень сильно тревожило маму. И вот теперь они пришли к этому странному дяде. Вернее, пришли они не к нему. Пришли они в школу. Но этот дядя здесь работал, и сюда Вета должна была пойти на следующий год учиться. А дядя решал, позволить ей это или нет. Почему это решал какой-то дядя, Вета не понимала. На самом-то деле должна была решать Вета – идти в школу или нет. Вета бы пошла. Она не хотела, но пошла бы. Во-первых, потому что маме будет приятно, во-вторых, тут уже целый год учится Киря. Хотя он и так очень умный, а в этом году закончил первый класс и чему он может ещё научиться, неясно. Ну а в-третьих... В школу не могла пойти Нежка, и Вета пообещала ей, что будет учиться за двоих, будет возвращаться и рассказывать всё-всё, что было на уроке.

Девочка старалась, а дядечка в очках то и дело поглядывал то на рисунок, то на маму, наверное, сравнивал, похоже ли. Судя по всему – не очень, потому что дядечка всё время хмурился и крутил в пальцах ручку. Дядечка Вете очень нравился: он был чуть-чуть похож на её Кирюшу. Вета чувствовала, что ему, почему-то, очень одиноко и грустно. Наверное, он понравился бы и Нежке. Она тоже была одинокой. Жаль, что он не видел Нежку. Не знал, где она живёт. А именно её дом Вета и рисовала. А вообще дядя был весёлый. Вернее, старался таким быть. Показывал разные забавные картинки. Спрашивал, что на них нарисовано, будто сам не видел. Просил разложить цветные карточки, а потом вот, предложил порисовать.

Эх, как же изобразить то, что Нежка живёт на небе в большом-большом доме, а в комнате её – одно окно, которое нельзя открывать, и у неё нет никого: ни папы, ни мамы? Как такое может быть, Вете было даже страшно представить, хотя иногда... во сне... Она сама росла без папы, потому что мама не захотела жениться, но, когда СОВСЕМ никого... это жутко. Очень. А вот у Нежки не было совсем никого, только Вета, которую Нежка считала совсем настоящей. Смешная...

Нежку Вета нарисовала у окна её комнаты, а вот с мамой всё оказалось намного сложнее. Как нарисовать мамину работу, Вета не знала. Мама читала сказки, а потом

долго-долго говорила о них с другими взрослыми дядями и тётями. Вета задумчиво погрызла карандаш, а потом улыбнулась...

Кроме работы и сказок, мама очень любила танцевать. Раз в месяц она ходила на занятия, в клуб к своей подруге тёте Зи и всегда брала Вету с собой. Это и вправду было красиво. Мама кружила по гладкому полу иногда в паре с каким-нибудь дядечкой или тётенкой, иногда одна, а иногда даже с ней, с Ветой, но всегда так, что захватывало дух. Как в сказке, как на балу. Как Золушка. Как эльфийка на лесной поляне. Такой сказочной феей Вета и решила изобразить маму. Тут и работа и танцы.

Вот и всё – девочка, положила карандаш на стол. Закончила, но... нет, дядечка сказал нарисовать всех, кто рядом... Девочка задумалась, а потом вдруг довольно хрюкнула, и, бросая из-под ресниц взгляды на дядечку в очках, снова взялась за карандаш. Пусть и дядечке не будет одиноко! Мама говорила, что танец – это сказка, в которую пускают всех. А вот дядечке за столом надо обязательно попасть в сказку. Вета это чувствовала.

Но как нарисовать сказку? Вета думала не долго. Сразу же вспомнилась любимая книга «Лев, Колдунья и платяной шкаф» Её Вета знала почти наизусть. И, конечно же, помнила, что сказочная страна начинается с Фонаря...

– Ну как, Виолетта, успела, что планировала?

– Да, – кивнула Вета, разворачивая рисунок, – успела. Правда, я волновалась немножко. Дома бы лучше вышло. Вы приходите к нам, я покажу... мама покажет...

Дядечка внезапно закашлялся.

... покажет, как танцует. У нас видео есть.

– Спасибо, – прохрипел дяденька, покраснел, видимо от кашля, бросил взгляд на маму, которая как раз вставала с дивана. Затем взглянул на рисунок почему-то побледнел и снял очки. Потом снова надел. И опять снял.

– Виолетта, это твоя семья?

– Да, конечно!

– Ага.

– А это – мама?

– Да. Мама. Красивенькая?

– Очень. Прости, а с ней кто?

– Вы.

– Я? – дядечка почему-то запнулся... – Угу. А он на вас не похож? Я старалась. Вы красивый. Другие хуже были.

– Д-другие? Дяденька как-то странно сглотнул, смешно дёрнулся шарик на шее, – а много... других?

Вета поняла, что спрашивает он про тех, с кем мама танцевала. Вопрос был не совсем лёгкий. Танцы раз в месяц за вечер мама танцует с двумя или тремя знакомыми, но

чаще одна... Вета принялась загибать пальчики, – Я не всех помню. А те, кто маме не понравился? Ну, с кем она попыталась, а потом не захотела, они считаются?

– Не считаются... Раз уж не захотела, то, конечно, не считаются, – дядечка как-то странно взглянул на маму, застывшую в углу, – Прости меня, пожалуйста, Виолетта, – наконец, проговорил он, – я немножко поговорю с твоей мамой, ладно? Побудь тут, а мы на минутку выйдем в коридор...

– Алён! Этот... психонавт... За кого он меня принял? За какую-то мартышку у шеста? Мармозетку с задраным хвостом? – мама разошлась не на шутку. – Столбовую дворянку? Нет, Лен, ты представляешь, он спросил меня... спросил меня... – мама что-то горячо зашептала на ухо подруге. Представляешь? Поинтересовался, чем я зарабатываю себе на жизнь? Он спросил, не нужна ли мне помощь!!! МНЕ!!! Представляешь?! – Вета давно не видела маму такой злой. Её глаза сверкали точь в точь как у Белой Колдуньи.

Тётя Лёна, мама Кирилла, не испугалась, а лишь чуть заметно улыбнулась:

– Ну, он хоть и большеват... местами, но всё ж симпатичный. Так что от помощи-то так сразу не отказывайся.

– Алёнка! Ещё слово – я тебе в волосы вцеплюсь, ты меня знаешь! И вообще, я на работу опаздываю, у меня лекция через 20 минут. Ты за Веткой присмотришь? Нет, ну вот же психолог девиантный! Всё настроение испоганил!!! На целый день, а может и больше.

– Да не бери в голову, Свет, ты же видела творение своей маленькой художницы? И столб там и ты в прозрачном неглиже. Между прочим, усыпанном блёстками

– Это не... не...глиже, – возмутилась Вета, – Это платье феи из волшебной травки и никакие это не блёстки, а камушки и росинки, – Она насупила брови, вспоминая и прочитала:

Топнув ножкой, молвит Фея,
К себе вызвав паучка:
«Мне сплети наряд скорее
Из волшебного пучка
Трын-травы, что на рассвете
Можно только собирать...»
...вот и всё, ложитесь, дети.
Вам пора уже в кровать.

– Ого! – Тётя Лёна прищурилась и недоверчиво взглянула на маму, – Бальмонт что ли? Ты совсем зверь, Светка? Подготовишку заставляешь такое учить?

– Стыдно, Ленка, Бальмонта с шестилетней девочкой путать, – засмеялась мама, – Это Виолетта Гостемирова, тихому часу в детском садике посвящается.... А Бальмонт другой. Совсем. Мой любимый:

У Феи глазки изумрудные

Всё на траву она глядит
У ней наряды дивно-чудные
Опал, топаз и хризолит

Мама на секунду замолчала, словно пытаюсь разглядеть что-то в необразимой дали, потом тряхнула головой и улыбнулась:

– Как говорится, Лён, почувствуй разницу. Вета не любит учить или читать, она любит слушать и сочинять, немилосердно коверкая услышанное, – Мама обернулась, – Может вернуться, и объяснить, что она гуманитарий? А то я выскочила как ошпаренная. Только визитку на стол швырнула, ну чтоб знал, чем зарабатываю.

– О! Молодец, Светка, так держать! Хоть и в блондинку покрасилась, а башка-то доцента осталась. И про визитку не забыла и повод вернуться уже нашла! Ага, вернись. И стихи прочитай... с выражением, – тётя Алёна подмигнула маме. Та, ни слова не говоря, сильно дёрнула Кирюшкину маму за волосы.

– Ой! – вскрикнула тётя Лёна отшатнувшись, – ты что?! Больно же! Светка, ты совсем отмороженная! Чуть целую прядь не выдрала! Шизанутая! Правильно психолог тебе помощь предложил! Хоть и толстый, но в своём-то деле шарит. С ходу определил, кому она нужна.

– Во-первых, я не красилась. А во-вторых, не поможет он, – горько произнесла мама, – пытались уже. Да и не предлагал он свою помощь. Предлагал специалиста. Глупый он, смотрит и не видит.

– Тебя что ли не видит? Как же... не заметишь такую. Ноги от ушей. Вместо пояса ожерелье нацепить можешь.

– То-то и оно, что только ноги и видит. И вообще, если они от ушей, то голова в... – замолчав, мама вздохнула.

– Светка! Опять захандрила что ли?– глаза тёти Алёны сузились, – Отпусти ты Вадима, Свет. Нет его. Три гогда как нет. Влюбиться тебе надо. Вернее нет! Не полюбишь ты никого. Мужа тебе надо! А не любви. Ты совсем одичала да одурела одна. Ветка, заставляй маму, пусть тебе папу ищет. Свет, давай берись за ум, есть же в вашем университете мужики неженатые? А если нет, давай к нам в медицину... Ромке скажу, он те быстро пару сыщет. У них в хирургическом одиноких – уйма. Выпивают, правда... Но ты давай, решайся...

- Да иди ты...

- Ой...

Лекция

Лев стоял у зеркала, потирая покрасневшую щёку. Лучше бы ударила. А краснеть от стыда тридцатитрёхлетнему мужику... Чёрт, стыдно-то как! Зачем он её обидел! Принял за стриптизёршу? Выразиться погалантнее хотел. Мог бы и прямо спросить — вы шлюха? Эффект бы один был! Как взглянула! Бедные чертенята, заморозило ваши котлы. Но самое страшное — слёзы. Она отвернулась, но Лев-то успел увидеть. Идиот! Ну почему вот так всегда выходит, когда он говорит с человеком, который ему нравится? С любым другим всё прекрасно. На работе считают душкой. Застенчивым, но милым. Острый ум, хорошая реакция, великолепная речь. Маска, которая никак не хочет налезать на лицо, когда особенно нужна. Лев покрутил в пальцах оставленную визитку. Слова никак не собирались в единое целое... университет... кафедра культурологии... доцент... кандидат философских наук. С её-то ногами... тьфу, то есть с её самопрезентацией, будь она неладна. «Простите, а каким способом вы зарабатываете деньги?» Дегенерат! Сколько раз сам писал и говорил о стереотипизации, о шаблонном восприятии. Об эффекте ореола. Об опасности попасть в плен общего впечатления. Кажется, Цицерон предупреждал: мудрецы, не пленяйтесь наружностью! Но ему-то просто предупреждать было. Не видел он Светлану Николаевну. М-да, никто не застрахован от ошибок, но как же погано на душе. Лев тяжело опустился в кресло. Сердце щемило. Сработавший стереотип физической привлекательности мелким камешком застрял в пульсирующей мякоти насоса-кровокачалки. На душе становилось всё хуже. Мама-мамой. Танцы-танцами, а девочке помощь, тем не менее, нужна. Долгий сон в её возрасте и подруга-небожительница Нежка — симптомы тревожные. Хорошо, что Виолетта будет учиться здесь. Лев тряхнул головой, отгоняя лишние мысли. Потянулся к телефону.

— Доброе утро, простите, не подскажете, Светлану Николаевну я могу услышать? Да, именно её, Гостемирову... Нет? Сейчас нет. Лекция в 11... Спасибо вам большое, хорошего рабочего дня и ещё лучших выходных! До свидания.

Так вот почему торопилась, а ведь не сказала, не хотела мешать. Лев взглянул на часы. Минут 15 ходу до университета. Пара. Полтора часа. Ещё успею. Надо извиниться. Должен. А то расстались совсем не по-людски. Нашарив ключи в кармане, Лев вышел из кабинета. Только б начальство не хватилось.

С чего бы начать? «...Желательно с начала!» — порекомендовал Король Белому Кролику и был, безусловно, прав!

Лев слушал... Вернее старался понять, но смысл всё время ускользал. Голос Светланы красивый, успокаивающий и волнующий одновременно как шелест ночного леса, скрывающего тайну, угрозу и обещание неведанного приключения, почему-то убаюкивал. Вернее уносил в страну грёз. Хотя и не было в нём даже намёка на монотонность...

Начало — это темнота! Миллиарды лет тьмы и пустоты. Вечность. А потом — Вздох и Слово. Так появился Мир, всё сущее,- дыхание и мысль Творца. Его Слово облекло плотью всё, что должно было стать осязаемым. Его Вздох наделил жизнью всё, что должно было ожить.

И был создан Человек. По образу и подобию Творца своего. То есть, был он наделён толикой Его силы.

Тут-то и начинается, собственно, наша сказка. Или история? Ибо зачастую понятия эти неразделимы. Не ведает, что творит человек при каждом своём шаге. Если чувствует, что есть сила отнять — отнимает. Может сломать — ломает. В силах убить — убивает. И давно бы прекратил существовать первозданный мир, если бы не одно «но» — при каждом шаге, вздохе, мысли, какими бы они ни были, создаёт человек новый, ранее никому неведомый мир. И уходит всё дальше и дальше. Нет, не мир, конечно, он создаёт. Только иллюзорную копию того мира, что его окружает. Почти копию. Отличающуюся лишь на мысль, шаг, вздох. И в этом новом мире — кому-то больно, а кому-то радостно. Кто-то улыбается, кто-то плачет. Кто-то рождается или... наоборот.

... взгляд Светланы упёрся в психолога, и словно мороз коснулся кожи. Лев виновато пожал плечами и чуть заметно кивнул. Он устроился на самой задней парте на этом студенческом пристанище для вознёсшихся и падших рядом с отъявленными «нежелателями» слушать, но от взгляда преподавательницы так и не ускользнул. Что не удивительно. С его-то ростом и остальными габаритами. В университет Лев проник без проблем, помогло лицейское удостоверение и фамилия Светланы. Аудиторию тоже нашёл без труда. Немного озадачило название спецкурса: «Сказка как способ формирования миров». Это потом уже дошло, что просто слово «мировоззрения» в расписание полностью не влезло. Ну и ладно... от полноты слов смысл не меняется... а вот от полноты человека... Лев тяжело вздохнул и покосился на соседей-студентов, которые могли бы позировать Микеланджело. «И если бы он потом сделал с ними то, что делал, если верить легендам, было бы тоже неплохо», — зло подумал Лев. — Физруки они, что ли? С такими-то бицепсами! Физруки-«неслушатели» — это страшно! Он помнил по годам преподавания в ВУЗе. Собственно, из-за них и пришлось уйти. Дал как-то волю...чувствам. И рукам... Странное дело, но на лекции Светланы была тишина. Парни сидели, как гамельнские крысы, уставившиеся на флейту. Только вот вместо флейты в руках крысолова сейчас была

шариковая ручка. А впрочем, дело как всегда, в самом крысолове. Вспомнилось из Библии: «отныне будешь ловить человеков» Эффект ореола, напомнил он себе, эффект ореола... да ну его к лешему! И Лев присоединился к крысам...

И, казалось бы, понятно, что делающий шаг человек должен нести ответственность за тот мир, который создаёт. Но, увы... Люди забыли, какой силой они наделены. Что значит быть сотворённым по образу и подобию Создателя.

Бездумно творят бессчетное количество миров — злых, пустых, скучных, глупых. Да других и не могут, потому что сами таковы. Лишь на тысячу выпадает один — цветной, искрящийся и счастливый.

И все эти сотворённые мирки накладываются друг на друга, сталкиваются, перемешиваются. И уже не отличить, где какой и где чей. В своём ли ты мире или рядом кто-то вздохнул, сделал шаг, и ты оказался в чужом и меняешь уже его, как только что изменили твой. И всё дальше и дальше с каждым мгновением своего существования извилистыми закоулками собственных миров уходят люди от того единственного Первозданного Мира, сотворённого Всевышним.

Именно поэтому во все времена существовали отшельники, люди, познавшие силу и ответственность. Люди, ищущие путь назад, в Первый Мир. Мир Создателя. Но возможно ли это? Вряд ли. Ведь для этого нужно отказаться от человеческой сущности. От способности творить. Отказаться от того, чем тебя одарил Бог. И, если дорога всё же будет найдена, нужно будет раствориться в Первозданном Мире, не привнося в него ничего своего. Не привнося в него себя!

Но я отвлеклась, простите.

«Почему же мы не видим всех этих миров?»- спросите вы.

Мы видим. И путешествуем. Порой по сотне раз на дню. Но беда в том, что человек не может помыслить то, чего не ведает. Не может и сотворить. Потому-то один мир так похож на другой. И чтобы почувствовать отличие, нужно пройти сквозь миллиарды миллиардов миров или... сделать шаг в сторону, а не вперёд. Некоторые могут и так. Но вот добром это, как правило, не заканчивается.

Да, миры все похожи, как снежинки в снегопаде. Но, как и снежинки, они никогда не бывают абсолютно одинаковыми. Но вы ведь не смотрите на них. Вы видите только снегопад. И поэтому-то и кажется вам, что живёте вы в одном «вашем» мире. Но это ещё полбеды. Самое страшное в том, что в этом «вашем» мире с вами вынуждены жить и другие. И умирать. Потому что созданы они иначе, не так как вы. Но они как и вы, чувствуют, боль, страх, Они как и вы — живые. И такими же хотят остаться. Но в отличие от вас, не могут ничего изменить. У них нет свободы выбора. Животные, растения и...иные.

Те, кто когда-то жил с вами рядом, были соседями, зачастую опасными, теперь почти исчезли из «вашего» мира. Стёрты, «застираны», как раздражающее пятнышко на новом платье. 250 миллионов лет на побережье Средиземного моря жили черепахи. В прошлом веке их осталось всего 5 тысяч. Сегодня 200 штук. Ваша «Красная книга» — красивый многотомный некролог. Подписанный приговор. И одновременно обвинительный акт против вас же самих. Да, кому-то повезло. И, может быть, в далёких- далёких, забытых, недостижимых мирах, ныне мёртвые, вычеркнутые вами существа нашли себе пристанище, и лишь изредка ветер странствий заносит их в привычную вам реальность. В ваш снежный ком. И тогда моряки видят исчезнувшую столетия назад стеллерову корову или, быть может, это морская дева машет им хвостом с гребня морской волны?..

И вот тут Лев понял, что попал... в один из этих миров. Мир парадоксов. Мир небывальщины. Он влюбился. Это было волшебство, в которое он не верил в принципе. И что ещё хуже, влюбился в ходячий секс-символ. В то, что презирал всегда. Во внешность.

В море фрустрации начался прилив. Вечный. Даже наводнение, а может и потом... всемерный. Видать, стали таять ледники. Большого отчаяния быть не могло. Лев ловил её взгляд. Никакой надежды даже на то, что выслушает. Глаза звериные. Пугающие. Когда-то давно он читал скандинавские саги об инеистых великанах и всё никак не мог их себе представить. Теперь смог. Во всяком случае взгляд у них, наверное, такой же. Холодный и мёртвый, как у замороженного смилодона, и сама она — как хищница, дикая и сексуальная. Будто не понимает, что за кафедрой стоит. Сильный глубокий голос продолжал зачаровывать...

Вернёмся к нашей истории или сказке. Давно это было. Или далеко. За много столетий, ну или миров отсюда. Тогда ещё в сказках было гораздо больше чувств и эмоций, чем в людях. А люди эти ещё помнили, что не одиноки, верили в волшебство и худо-бедно, но уживались с соседями. Ведомо им было, что не стоит работать в поле в послеполуденный зной, а то не избежать встречи с хозяйкой нивы Полуденницей, как не стоит и заходить в баню, после того как стемнеет, а то ещё обварит кипятком потревоженная Обдериха. Много чего знали люди. А теперь позабыли и стали всё придумывать заново. Ведь, если не помнишь, так, может, ничего и не было? Так ведь? Но остались сказки. И порой их бывает достаточно, чтоб где-то глубоко внутри вдруг что-то встрепенулось. Поэтому пусть будет сказка. О прекрасной ли Королеве, злом чародее или благородном рыцаре не важно. Ведь она всегда о любви. Только вот начинается она необычно. Да и заканчивается тоже. Хотя... Может и не заканчивается? Кто знает? Нам неизвестно.

Бывает ли у сказки конец? И что такое — конец сказки? Может быть, реальность? Тот шаг, что отделяет один мир от другого? Когда добро вдруг незаметно оборачивается злом, правда — ложью, и в итоге хорошее становится плохим и наоборот. Да, наверное, тогда и заканчивается сказка. И будет ли в ней поставлена финальная точка, зависит не от рассказчика. От вас! От того, что вы сделаете завтра, послезавтра, послепослезавтра, когда пойдёте в садик, в школу, на работу. Отберёте ли игрушку, обманите, украдёте... Убьёте ли вы сказку, перечеркнув написанные кем-то страницы или продолжите этот труд? Добавьте ли крошечный, но яркий, переливающийся добротой и радостью, дарующий тепло и свет шарик-мир. Вашу собственную сказку!

Вы достаточно смелы, умны, добры? Сделаете шаг? Поверите в сказку? Слышите? Скрипнула дверца... манит темнота норы. Не в неё ли протиснулась когда-то маленькая Алиса. А вы? Шагнёте? Нарисуете новый мир?

Может быть... Но не сейчас. Сейчас звонок, перемена, и вы побежите курить. Убивать себя и близких вам людей. В этом и есть прелесть выбора. Но помните, что тот, кто не верит в волшебство, никогда его не найдёт. Да вам оно и не нужно. Бегите. Вы свободны...

Беседа

— ...Светлана Николаевна...

— Бросьте! Вы правы. Той, кого Вы видите, отчество не полагается. Пришли проверить, не соврала ли? Могли просто позвонить и спросить у кого-нибудь

— Так я и позвонил... спросил... ой, простите, я имел в виду...

— Вы пришли надо мной издеваться? Мне некогда, уж не таите зла, меня замкнуто-депрессивно-тревожная дочь ждёт.

— Светлана Николаевна, зачем вы так?

— Просто Светлана, мы договорились. Ну, или как Вы там меня зовёте в ваших психопатическихмыслеобразах. Ой, извините, оговорилась. Психотерапевтических. Ну я-то на шпильках и с ожерельем вместо пояса, так что мне можно.

— П... простите, что?

— Говорю, блондинко я, мне ошибаться позволено. Если и дальше намерены доставать, идёте. Это и на ходу делать можно.

— Светлана Ник... Светлана, я не хотел вас обидеть, а сюда пришёл только, чтоб извиниться и сказать....

— Если не хотели, зачем обидели?

— Я не обижал...

— Если не обижали, за что хотите извиниться?

— Но вы же обиделись! На то, что я принял вас за...

— Проститутку?

— Нет!!! Что вы! Даже в мыслях не было. Просто Вы были настолько красивы, ухожены, что я подумал, что вы...

— Потаскуха? Лярва? Бл...ь? Правильно, что решили употребить более подходящий термин. Что ж, извинения приняты. Именно таких я от вас и ждала. До свидания.

— Чёрт! Вы — садистка! Вы знаете это?

— Не Вы первый мне это говорите. Да-да! Хорошо, что достали свой айфончик. Можете записать это в свой ежедневничек. Вы же его ведёте? Всё, мне на верхний этаж, спасибо за компанию, дальше не провожайте. Кстати, на лестнице мои ноги ещё красивее, чем в кресле. Тоже можете записать... в ежедневничек, чтоб потом по... порефлексировать на досуге.

— ...

— Вот только не надо вам употреблять то определение, которое озвучила я. Вам не идёт. А я культуролог, мне можно. До свидания.

— Вы — красивая, Вам всё можно. А я просто хотел дать вам номер...

— Это вы как психолог говорите?

— Скорее как мужчина. Простите меня, Светлана. Я неуклюжий, я знаю. А как психолог, я хотел дать вам номер хорошего детского специалиста... Я прошу вас не пускать всё на самотёк. Провести хотя бы несколько тестов. Я про Виолетту.

— Нам с ней хватило и одного...

— Света... простите, Светлана, я понимаю, что вам очень неприятен. Но это не повод подвергать риску девочку. Она очень одарённая именно творчески. С ярко выраженным дивергентным мышлением. История с феей это показала. Я потом только понял, что был неправ. Попросите, пожалуйста, у Веты прощения от моего имени...

— Вот ещё! Попросите сами! Конечно, вы не мастак это делать, я убедилась, но думаю, с шестилетней девочкой справитесь. Если что, буду рядом, кричите... Вы сейчас свободны? Подождите меня пять минут. Забегу на кафедру.

— Д...да. я только... Да, конечно!

— Ишь, отчеканили! Вольно! Вот так-то лучше! — и Светлана впервые рассмеялась.

«А на лестнице-то ноги у неё действительно ещё красивее...

— Вет, познакомься это...

— Дядя Лёва,- кивнула Вета,- мы уже познакомились, пока ты с тётей Лёной была.

— Не дядя Лёва, а Лев...? — мама как-то странно взглянула на дядечку, строго-вопросительно, вроде как «Почему ты кашу не доела?»

— Как Вета и сказала — просто «дядя Лёва».

— Лев! Р-р-р... А почему Вас так называли? Я не думала, что так можно. А я хочу быть Рысей, у неё такой хвостик пушистый и кисточки на ушах. А ещё у меня есть лев — Симба. И оленёнок Бемби,- идёте я покажу, — Вета схватила дядю Лёву за руку и

потащила в свою комнату. Здорово, что он пришёл, обещал и пришёл! Потому что она, Вета его позвала. Потом спохватилась.- Мам! Я обещала, что ты покажешь, как танцуешь.

Вета любила играть в игру, «каким бы ты был... животным, деревом, рыбкой» так вот, если бы мама была кошкой, она бы сейчас вздыбила шёрстку, выгнула спинку и презрительно ушла на кухню. Приблизительно это мама проделала и в реальности, вдобавок ещё по-кошачьи фыркнув. Вета засмеялась. А дядя Лёва как-то смущённо улыбнулся

— Я не думаю, что у твоей мамы сейчас танцевальное настроение.

— Именно. Какие танцы, когда в доме мужчина некормленный! Не отпирайтесь! Я же знаю, что Вы с утра не ели. Сначала работа, потом. . хм. . сорвались ко мне на лекцию. А уже шестой час между прочим, так что без пререканий. Что предпочитаете, дядя Лёва?

— Хе!- встряла Вета,- лев кушает мясо, да, дядя Лев?

— Спасибо, но я правда совсем не голоден. Я не хочу обременять Вас, Светлана.

Итак получилось, что вроде как навязался. — Он смешно покраснел и насупился,- Вета снова хихикнула.

Мама снова фыркнула:

— Вы навязались? Не смешите. Так что хотите?

— Г-глазунью, если можно.

Мамины глаза опасно сверкнули:

— Дядя Лёва, а вы мастер завуалированных оскорблений.

— П-простите?

— «Ну с глазуньей-то она должна справиться» или «Ах, вы ещё и готовите?!»

Выбирайте, какой вариант ближе?

Вета недоумённо переводила взгляд с одного на другого.

— Светлана Николаевна, простите, я не хотел...

— В том то и беда, что вы не хотите...- мама как-то странно вздохнула, — вернее, хотите, но не знаете чего. Как там у вас это называется? Когнитивный диссонанс кажется?

— Простите, Светлана, я наверное, лучше пойду. С Ветой мы увидимся осенью в школе, так что...

— Нет, мам! Дядя Лёва обещал мои рисуночки посмотреть. Дядя Лёва!

Мама чуть заметно улыбнулась.

— А говорите-навязались. С вашим-то характером навязаться Вам бы не удалось при всём желании. Но дядя Лёва, на вопрос-то Вы не ответили. Так и не определились?

Балансируете между своими желаниями и принятой нормой поведения?

— Светлана...пожалуйста.

— Да? Смелее! Я же узнаю: голодный взгляд мужчины. Говорите, чего хочется?

Чур, честно!

— Глазуньи!

Мама расхохоталась:

— Ох, дядя Лёва! Ладно, будет вам глазунья. Идите уж... Ветка! Вести себя хорошо!

— Да, мам! Идём-те, дядя Лёв!- Вета вцепилась в рукав и направилась к двери. — Мам! Не подслушивай! Вета решила рассказать тайну. О Нежке. Ту, которую не рассказывала даже маме. Мама бы не помогла. Дядя Лёва — психолог, он знает, что делать. Он поможет. А Нежке ОЧЕНЬ нужна помощь...

— ...Вета, да, я даю слово, что постараюсь тебе помочь.

— Не мне. Нежке. Она совсем одна. Я бываю с ней, только когда сплю. Но я не могу много спать. Не получается,- девочка опустила голову,- только пожалуйста, маме не говорите. Она волнуется. Она знает, что у меня есть подружка, но думает, что она выдуманная. Что она мне только снится.

— Ну и пусть, малыш, не спорь с мамой.

— Я не спорила, нет, никогда!- девочка затрясла головкой,- но сейчас... сейчас по-другому. Я чувствую, я знаю, что может случиться что-то страшное.

— С кем, малыш? С тобой? С мамой? Ты тревожишься?

— Нет... С Нежкой... и...ещё с кем-то. . я. я не знаю. И Нежка не знает. Она только чувствует. Она хоть и высоко, но не видит будущее. Просто чувствует, что что-то случится. Вы можете?

— Я постараюсь, Вета. Постараюсь. Ты только не волнуйся. Иметь друзей- это прекрасно. Неважно, кто они и где они. Главное, что ты их любишь. И они любят тебя. Вот послушай одну сказку. Она грустная. Ты не боишься грустных сказок?

— Нет! Мама мне много рассказывала. Она рассказывает про эльфов. А почти все сказки про эльфов грустные. И сама мама часто грустит. Когда их рассказывает, даже плачет. Вы не будете плакать, дядя Лёв. Вы хороший, я не хочу, чтоб вы плакали.

— Нет, Вет. Я плакать не буду. Во всяком случае здесь, с тобой. Эта сказка про одиночество и дружбу. Про любовь. Про то, что мы часто не замечаем их, хоть они совсем рядом.

Сказкотерапия

Однажды, в далёком-далёком королевстве, что находится очень далеко отсюда, жил тролль. Большой, может даже слегка страшный и уж точно некрасивый. Жил он один. Никто с ним не дружил, потому что известно, тролли не знают любви. Не умеют дружить. Раньше их было много, но постепенно становилось всё меньше и меньше, потому что как же можно прожить без любви и дружбы? Никак. Вот шли годы, и рано или поздно тролль остался совсем один. Жил он в своей покосившейся хижине, читал книжки и смотрел на звёзды...

— Ой. .а тролли умеют читать?

— Ну это был особый тролль. Очень страшный и очень умный. Да и не оставалась у него выбора. Если не с кем поговорить, приходится читать. То есть разговаривать с автором и с самим собой.

— Грустненько...

— Ага. А ещё наш тролль любил работать с деревом: он был искусным резчиком. Долгими часами бродил по лесу, подбирал сучки, веточки, шишки и делал очень странные игрушки, фигурки гномов и леших, зверей и птиц. Потом он относил их на перекрёсток дорог и оставлял. Вдруг кто-нибудь подберёт. Кто-нибудь, у кого нет денег на настоящую куклу.

— Ой, а я бы хотела такую фигурку! Эльфы. Мама говорит, они очень красивые.

— Я думаю, тролль с удовольствием бы сделал фигурку и для тебя. Да, очень красивую. Такую, какую оставил себе. Это была фигурка принцессы. Самой красивой девушки королевства. Тролль однажды увидел её портрет в книге и решил вырезать из дерева. И вот, когда он вырезал себе маленькую деревянную принцессу, в его мрачной хижине стало чуть светлее. Хмурый тролль никогда не расставался со своей куколкой. Целыми ночами напролёт он разговаривал с ней, глядя через небольшое оконце на далёкие-далёкие звёзды. Рассказывал о страшном проклятии, которое наложил на их род древний могущественный чародей. О невозможности любить. И троллю было всё равно, что его деревянная принцесса молчалива. Главное, ему было с кем поговорить. Тролль стал почти счастливым.

— Я тоже разговаривала с куколками. Раньше. Я ещё их кашей кормила. А он кормил свою куколку?

— Не знаю. Наверное. Может быть, не кашей. Кашу маленькая принцесса не любила. Они вместе читали книги. А книги — это ведь тоже еда. Просто тогда мы кормим не тело, а то, что глубоко у нас внутри.

— Душа?

— Да, малыш. Душа. И вот случилось однажды невероятное. Как обычно, тролль пошёл к перекрёстку, чтоб оставить там новую партию игрушек, как вдруг увидел, что вся дорога заполнена всадниками, следовавшими за роскошной каретой. В мгновение ока рыцари окружили тролля, наставив на него острый копьё.

— Ой. .

— Вот. Тролль тоже испугался. Но на чуть-чуть. Потому что тут распахнулась дверца кареты и...

— ой-ой

— ... и тролль увидел свою принцессу. Не деревянную, а самую настоящую. Живую и такую прекрасную, что страх померк перед её красотой. Принцесса кивнула солдатам и поманила тролля к себе. Тролль уронил своих куколок в грязь и подошёл к Принцессе

— Ты тролль?- промолвила та.

Он кивнул

— и ты последний из всех троллей?

Троль пожал плечами

— Ты пойдёшь со мной? Хочешь жить во дворце? Ну. Рядом с дворцом? Я тебя буду показывать гостям.

Троль снова пожал плечами а затем вытащил из-за пазухи сою куколку и склонив голову молча протянул её Принцессе

— Это мне? Ой, какой смешной троль. Но я взрослая. Я не играю в кукол. Эй, гофмаршал отдайте её кому-нибудь из пажей или фрейлин, может сгодиться.

Троль, не поднимая головы, проводил взглядом свою деревянную принцессу. А настоящая решительно развернулась на каблучках:

— Значит, решено! Троль, беги за каретой. Я слышала, что вы выносливые. Беги рядом с окошком я хочу с тобой говорить. Понял?

Троль кивнул и придержал дверцу, пока принцесса забиралась в карету. Кучер щёлкнул кнутом. Заржали лошади. Кавалькада двинулась по тракту.

— Ква-ква-лькада?

— Кавалькада, ну то есть такая толпа всадников, что едут вместе. Ну так вот... Они уехали и с тех пор никто больше не находил искусно вырезанных фигурок на обочине дороги, а те, что выронил троль, так и остались лежать сломанные и втоптанные в грязь сапогами и копытами коней. А троль о них и не вспоминал, он бежал рядом с каретой и слушал Принцессу.

— Троль, а правду говорят, что вы не можете любить. Даже не знаете, что это такое?

Троль по привычке попытался пожать плечами, но на бегу это было сложно, поэтому пришлось ответить:

— Говорят, ваше высочество.

— О! так ты говорящий троль!

— Говорящий, ваше высочество.

— Значит, будешь не только пугать моих гостей, когда я скажу, но и рассказывать сказки. Умеешь рассказывать сказки?

— Да, ваше высочество.

— Какой умный троль! А вот скажи, каково это жить без любви? Вот я, например, люблю красивые платья, балы, люблю кататься верхом. Я не представляю, как можно жить и не любить.

— Нельзя, ваше высочество.

— Но ты же живёшь! Ну ладно, я устала! Поговорим во дворце...

И они говорили. Тёплыми летними вечерами и холодными зимними ночами. У пруда с золотыми рыбками или у весело потрескивающего камина. Троль знал очень много, а Принцесса была хоть и своенравной и капризной, но далеко не глупой. Да, она использовала тролля для злых шуток,ставляла на посмеище. Но в то же время,

вечерами, затаив дыхание, слушала его волшебные сказки о далёких землях и давних временах. И про любовь принцесса сказала правду, она любила балы, красивые платья и езду верхом. Троль всегда бежал рядом, держась за стремя. Но случилось однажды так, что лошадь чего-то испугалась и взвилась на дыбы, выбросив Принцессу из седла. Девушка была сильной и ловкой, поэтому падение не причинило ей вреда, но, придя в себя и открыв глаза, она увидела на расстоянии вытянутой руки змею, готовую к броску. Это была чёрная лента — самая ядовитая змея королевства. Один укус — и через несколько минут смерть.

— Ой-ёй, я очень боюсь змей. Брр...

— А принцесса так та просто замерла от ужаса. Она знала — это конец. Но тут прямо на змею прыгнул троль. Схватил её и швырнул далеко в кусты.

— Ура!

— Да! Вот только троль вдруг пошатнулся и упал в траву. Чёрная лента его всё же укусила.

— Нет!

— Увы. Принцесса подбежала к нему. В глазах её были слёзы. И от страха и от благодарности. Троль медленно превращался в камень. Так бывает со всеми троллями, когда из них уходит жизнь...

— Почему,- прошептала Принцесса,- почему ты это сделал? Змея бы укусила меня и уползла. Ты был в безопасности.

— Именно поэтому, ваше высочество. В опасности была ты....а я...я люблю тебя. Вас.

— Но... нет, это невозможно. Вы, тролли, не умеете любить. Ты же сам говорил. Проклятье колдуна и так далее.

— Я говорил, что мы не знаем любви. Проклятье не в том, что мы не можем полюбить, а в том, что никто не может полюбить нас...

И троль превратился в камень.

— Дядя Лёва! Это неправильная сказка! Неправильная! — Вета ударила кулачком по паласу,- троль был хороший

— Это ещё не всё... сейчас. Принцесса вытерла слёзы. Села на коня и вернулась в замок. Она приказала обнести камень красивой оградкой и посадить вокруг цветы. Несколько раз даже приезжала, а потом... потом забыла. Ну, понятно, балы, красивые платья, верховая езда... Шли месяцы, годы. Заборчик покосился, вместо цветов рос бурьян, но большой каменный валун, по фигуре напоминающий тролля, всё ещё лежит у обочины, а на нём- раскинув ручки, словно обнимая — маленькая полусгнившая деревянная куколка, которой, несмотря на её красоту, был не нужен никто, кроме угрюмого глупого тролля, который верил в несуществующее проклятье.

Вета молчала.

— Виолетта, я знаю, это совсем не детская сказка. Но я рассказал её тебе, чтоб ты передала Нежке. Важно то, что те, кого мы любим, должны быть рядом. Мы не можем уйти от них, бросить, оставить. Это неправильно. Нельзя уходить. Даже к другим друзьям или подругам. Даже если мы им нужны. Тролль был нужен Принцессе настоящей. Без него бы она погибла. Но нужен он был и своей маленькой принцессе, вырезанной из дерева. Потому что она его любила! Как любит тебя, например, мама. Понимаешь?

Вета серьёзно кивнула.

— И ещё. Вот ты говорила, что чувствуешь, что случится что-то плохое, но если об этом не думать, думать о чём-нибудь хорошем...

— Я поняла, дядя Лёв, может, и ничего не случится да? Но если мы в это верим, то так и будет.

— Ты умница, милая моя!!!

— Умникальная?

— Умникальная!

Раздался шорох. Вспыхнул свет. Вета и Лев невольно зажмурились. В дверном проёме, прислонясь к косяку, стояла Светлана и вытирала фартуком руки. Тон был шуточный, но глаза серьёзные. Очень.

— Ужинать, заговорщики. А тебе, Вет, потом умываться, чистить зубы и в постель...

— Мам, а ты покажешь дяде Лёве, как танцуешь.

— Если бы дяде Лёве было интересно, то он бы сам попросил, да, дядя Лёва?

— Н-у-у, ма-ам...

— Н-у-у, что-о-о. .

— Ничего...

— То-то.

Льву казалось, что он онемел и ослеп. И не от внезапно включённого света, скорее от внезапного появления Светы. Сейчас она была ещё прекрасней. Да что ж за наваждение-то! Волосы, собранные в простой конский хвост, поношенные джинсы и водолазка, фартук, смешные лохматые тапки с мордочками то ли бурундуков, то ли крыс, какая уж тут, к чёрту, самопрезентация, но тем не менее Лев понял, что сейчас встать не сможет. Неприлично. Вставать надо по очереди.

— Я сейчас Светлана Николаевна. Ещё пара рисунков, — он притворился, что рассматривает альбом Виолетты. С кухни доносились умопомрачительные запахи. Явно не глазуни.

«Ах, она ещё и готовит!»

— Звёзды...- Света наклонилась чуть вперёд и оперлась о балконные перила. Лев остался у дверей, не решаясь сделать шаг вперёд. Ужин был изумителен. Светлана действительно умела готовить. Несколько минут назад Лев об этом не думал, но сейчас уже становилось стыдно, что он так жадно набросился на еду. Что ж хоть тут оправдал

своё имя. Но хозяйке его аппетит, похоже, пришёлся по вкусу. Затем Виолетта отправилась спать, хоть и с протестами, а Льва Светлана пригласила на балкон. — Не хочу его застеклять, — пояснила она, — нельзя отгораживаться от неба. В городской квартире это единственное место, где можно вздохнуть и увидеть звёзды. взгляните, какие яркие. Будто светлячки на небесном лугу. Знаете, я раньше думала, что они живые. Приглядитесь. Они дышат.

— Пульсируют,- поправил Лев.- Он боялся высоты, но шагнул и встал рядом со Светланой. Ветер взъерошил ему волосы, донёс её запах. Не духи. Что-то чертовски волнующее. Он придвинулся чуть ближе. Ветерок играл её волосами и порой как-то непристойно щекотал ими его щёку. Лев готов был превратиться в соляной столп, только бы остаться стоять вот так, рядом с ней. Вечно. Повернуться к ней он боялся. Оставалось смотреть на небо. Миллионы миллионов глаз взглянули в его душу. Вывернули наизнанку. От них было не укрыться. Как не спрятаться и от самого себя.

«Света, я люблю Вас!» — слова так и рвались с губ. Но Лев упорно молчал. Разрушить счастье, пусть минутную идиллию... Он не мог. Просто стоял, просто молчал, просто смотрел на звёзды.

— Пусть так,-кинула Светлана,- всё равно живут. Маленькой, когда была ещё в детском доме, ночами вылазила из окна и смотрела на них. Часами. Тогольский район. Салаирский кряж. Тайга. Сопка. А над ней яркие-яркие звёзды! Ух, как потом влетало!

— Вы детдомовская?

— Не совсем. Частично. Так получилось. Что какое-то время провела там. Потом мама забрала.

— А потом?

— Потом... потом её убили.

— Что?! Как? Ой, простите. Я не хотел.- Лев прикрыл её ладонь своей.

— Ничего. Это было уже очень давно. Может быть, несчастный случай- она мягко убрала руку. Но мизинцы продолжали соприкасаться. Лев чувствовал, что сходит с ума. За одно это прикосновение мизинца он отдал бы все свои предыдущие отношения с женщинами. Боже мой! Одно прикосновение. Пусть она не отодвинет руку! Пусть!

Она словно прочитала его мысли:

— Вы верите в волшебство?

— Как вам сказать...- Лев смутился.

— Как есть, так и скажите.

— Волшебство — это реальный мир, чьи границы детское воображение может сделать бескрайними. Но он, увы, только для детей. Безусловно, существует что-то вне нашего разума... но...

— Странный вы...- Света на минуту замолчала, — мне кажется, нельзя смотреть на звезды и не верить. И ещё нельзя не верить и рассказывать сказки. Так что вы верите.

— Так вы слышали?

— Слышала.

— И поэтому сейчас здесь?

— Нет. Я здесь потому, что люблю звёзды,- голос Светланы был тих и нежен. Ни одной нотки ехидства или насмешки.

— А я?

— И вы тоже. По крайней мере, их любил ваш тролль. Но это и не удивительно.

— Почему?

— Потому что каждая звезда- это огонек в окошке огромного приюта желаний.

— Простите?

— У эльфов есть такое предание о приюте желаний, которых еще никто не загадал.

Их много, очень много. Хватило бы на всех людей, но люди не хотят. Они взрослеют и перестают верить. Они полагаются на себя или на других, подобных себе, но чуть сильнее. Полагаются, но все-таки смотрят на небо. Самые мудрые мечтают и пишут стихи, глупые высчитывают расстояния или придумывают звездолеты, но никто не может равнодушно смотреть на звездное небо. Потому что маленькие желания в своих огромных пустых комнатах страшного приюта зовут и ждут, когда им ответят. Но мы не отвечаем. Мы молчим. Хотя и не все. Нет, конечно, не все. Вы задумывались, как зажигаются звезды? Бывает, что маленькие одинокие желания кто-то загадывает. Они вспыхивают от радости, что кому-то нужны, что не одиноки, что их кто-то ждет. Они заливают светом свои комнаты и распахивают окна приюта. Они уже не одни. Их видят, их любят, им верят. Но... Но это не наши желания, хоть они и дарят нам свою красоту и свет, но не тепло. Тепло они отдали другому, тому, кто их зажег, кто с ними неразрывно связан. Как маленькая деревянная кукла с огромным хмурым троллем. Это счастливые желания. Потому и мы делаемся чуть счастливее, когда смотрим на звезды. А самая большая, и яркая звезда — это желание людей жить, жить века, тысячелетия- всегда, и человечество живет и греется в лучах самого жаркого и искреннего желания.

Но есть и другие. Они закрывают свои окна и уходят в пустоту темных комнат. Их не видят, их не загадывают, их не ждут. Мы чувствуем их боль. И порой, когда мы глядим на небо, нам становится страшно. Очень страшно, и хочется плакать. Плакать так же, как плачут крохотные, никому не нужные желания, сжавшиеся в холодном углу беззвездного дома. Многие из них не выдерживают. Распахивают окно и бросаются к нам навстречу, веря, что их заметят хотя бы в коротком полете. И мы замечаем и загадываем желания. Делаем их счастливыми, но лишь на короткий миг, а потом... потом удивляемся, почему наше желание не исполнилось.

— Почему?

— Потому что не успело... Оно умерло.

Лев вздрогнул:

— Жестоко!

— Но это- правда! Она всегда жестока, вы знаете. Может... её не всегда стоит искать?

Лев не ответил. Молчал, затем проговорил:

— Значит, поэтому звёзды всё время падают с неба, а их не становится меньше — ведь выбрасываются из окон никчёмные желания, о которых никто и не знал.

— Не никчёмные,- Светлана грустно вздохнула и покачала головой, — маленькие!

Жаль, что Вы не уловили разницу. Пойдёмте, уже поздно. Я провожу Вас.

— Света, я хочу, чтоб вы станцевали! Я хочу увидеть ваш танец! Прошу Вас!

Даже в полутьме Лев увидел, как изумлённо распахнулись глаза Светланы. И проклятые чертенята снова принялись за свою работу.

— Вот так просто? И никакого когнитивного диссонанса?

— Света... «...я люблю вас» Нет, губы не слушаются.- Простите меня. Я забылся.

Ночь, пьянящий воздух, насыщенный день. Немного заплыл за буйки.

— Что ж, хорошо, что не миновали точку невозврата,- засмеялась Светлана.

Лев опустил глаза и шагнул на лестничную площадку.

— Доброй ночи, Светлана Николаевна. Вы простите меня, если что. Я во всех отношениях неуклюжий. А с Виолеттой всё будет прекрасно. Просто у девочки богатая фантазия, во снах есть своя, особая магия. Вета это чувствует, она станет замечательной писательницей или художницей. Отдайте её в изостудию или ещё куда-нибудь. До свидания. И спасибо за чудесный ве... ужин.

— До свидания, Лев. Да, раз уж Виолетта обещала... насчёт танцев... Если доберётесь до берега, то в воскресенье приходите в ДК. Что на Ленинском проспекте, к шести вечера, спросите, где студия бального танца «Изабель».

— Свет...

— Тсс. - девушка приложила палец к губам,- соседи спят. И Вам спокойной ночи. В воскресенье буду ждать,- чертенята подкинули под котлы угля, золото плеснуло через край,- да, и не забудьте захватить, хм... спасательный жилет. А то всё же вдруг минуете точку невозврата.

Исследование

— Мужики, не подскажите, где-то тут в окрестностях детский дом был. Давно лет 20 назад...- особой надежды на вразумительный ответ Лев не возлагал. Деревенские удивлённо и недоверчиво таращились на пришлеца. Дескать, зачем он тут. Если б они его озвучили, Лев бы вряд ли ответил исчерпывающе. Найти. Что? Ответы. На вопросы, которые тревожили его на подсознательном уровне. Он дал слово Вете помочь. И начинать надо со Светы. Помочь избавиться от прошлого. Отпустить его. Детский дом. Потеря

мамы. Травма страшная, порой даже непереносимая. Теперь понятно почему Светлана такая. Осталась одна против всего мира. Враждебного, как ей казалось. Девочке пришлось вооружиться. Стать сильной. В её случае легендарная фраза «Да, красота — страшная сила» шутливо не звучала. Может даже наоборот. Лев увидел свету настоящей. Нежной, ранимой, ласковой. Всё остальное-доспехи, броня, сверкающая серебром кольчуга. Одним словом — защита. Панцирь, который Льву хотелось разбить.

Целый день плутал по едва заметным грунтовым дорожкам на старенькой, ещё отцовской «Ниве». Старушка с испытанием справилась отлично, чего нельзя было сказать о самом Льве. Устал, видать с непривычки, тошнило, раскалывалась голова. Уже начинало смеркаться, а ничего путного Лев так и не узнал. День коту под хвост. «Фиговый детектив выходит из психолога», — бормотал Лев, угрюмо таращась по сторонам и то и дело сверяясь с картой. Выяснилось, что даже на дороге и с известным (чисто теоретически) конечным пунктом в тайге пользы от карты никакой. Как правило, по сторонам возвышались лишь сосны, этаким частоколом вокруг чего-то неведомого. А в это неведомое, что странно, от главной, условно говоря, дороги, ручейками текли тропинки, порой даже накатанные. Сворачивать на каждую было немыслимо, но в принципе надо. Неведомое могло хранить что угодно, от секретной ракетной базы (кстати в своём путешествии Лев- таки однажды напоролся на кордон, когда перед ним выросли будто грибы-лесовички дюжие ребята в камуфляже с автоматами и развернули к лесу задом... Хорошо хоть, по этому заду не надавали) до избушки Бабы-яги. В общем, райончик был ещё тот. У каждого свой интерес. Уфологи чаяли встретить тут тарелки или хотя бы какого-нибудь лесного человека, грибники обожали эти места из-за невиданных размеров своей добычи. Ну, а то... в 60-е район был стёрт с лица карты то ли из-за повышенной радиации, то ли из-за секретности проводимых испытаний, что, собственно, одно и то же. А потом вдруг это стало санаторной зоной. Построили детский дом. Таёжный свежий воздух, природа. А потом на природу и к свежему воздуху потянулись сначала номенклатурщики, а в 90-е — и все остальные, кто тем или иным способом добыл деньги. Теперь то и дело приходилось наткаться на проволоку- забор и табличку: «частная собственность». Лев в общем-то не сомневался, что именно за такой преградой и будет находиться бывший санаторный детский дом. Чья-то частная собственность. Дом закрыли в смутные 90-е. Ничего удивительного, учитывая, что творилось в стране, но даже в те времена дело было громкое. Пожар, погибли дети. Вернее, формально не погибли, останков не нашли, но каждому было понятно, что случилось. Выбрались из горящего здания, убежали, а

вернуться не смогли, заблудились. Тайга жестока, особенно к детям. Поисков никто не организовал... С тех пор о местечке ходила дурная слава. Странно, но пропала только одна, младшая группа. Как говорили, именно в их крыле начался пожар. Малышам было самое большее 5–6 лет.

— Детский дом. Заброшенный. Или перестроенный. Не в курсе? — повторил Лев свой вопрос.

Мужики переглянулись. Психолог махнул рукой и потянулся к зажиганию.

— Ну дык, Михась, поди знает.

Лев насторожился.

— Михааааась! — от полупьяного рёва заложило уши, — ты про сгоревший детдом слышал?

— Ну, а чего? — раздалось с другого конца улочки

— Поди сюда! Тут из города спрашивают.

Со скамейки не торопясь поднялся тщедушный мужичонка и вразвалочку направился к машине.

— Чего надо-ть?

— Да узнать хотел, что случилось-то с ним? Никак найти не могу.

— Что случилось-то? — Михась почесал бороду.- Да ведомо что- разломали. Нонче там коттеджи строят. Место-то по природе хорошее. Озеро. Рыбалка. Порой и шуку можно было вытащить. Да такую...- мужичок развёл руки в стороны, — м-да, по природе — хорошее, да по сути поганое, — философски закончил он.

— То есть? — Лев удивлённо вскинул брови

— То и есть. Нечисть там шалит. Издревле уж. Мне ещё дед рассказывал

— Какая нечисть?

— Ведомо какая. Нечисть с сопки.

А тут уж, как тема стала близка, к беседе подключились и ранее безынициативные.

— Упыри там, — пробасил здоровенный рябой мужик. Со старого погоста лезут. Ещё в гражданскую то ли белые, то ли красные деревеньку у сопки пожгли, вот с тех пор и лезут мертвяки.

— Да брось,- встрял ещё один, — русалки это. Бабы красивые. Говорят если ночью мужика встретят, одежду с него сорвут и до смерти за...

— Дык я ж не спорю, шо красивые. Но упырихи. Раз из земли выходят. Мой шурин сам видал. На мотоцикле раз ехал мимо сопки той, и вдруг ниоткуда баба. Прямо у дороги и рукой машет. Сама вся при фигуре, я имею в виду на показ. Не-е, не то чтобы, всё как надо, мелкогато, конечно, но таких по телеку кажут.

— Ну и что он?

— Да он по газам и не оглядывался, пока до дому не добрался. Говорит, вмиг протрезвел. А глаза, говорит, этой упырихи до сих пор снятся. Жёлтые, звериные. Дьявольские глазищи.

— Да дурак твой шурин, надо было её...-загоготал самый молодой.

— Захлопнись, — проворчал Михась, — кто б эти бабы ни были, бесовское естество у них изнутри прёт. Детей уворовывают. Мужиков совращают. Потом ходит сам не свой: ни на покос, ни на сев. Одно хорошо, что руки на себя не накладывает, хотя и такое случается. Чаще просто спивается.

— Ну, у вас-то это, как бы помягче сказать, дело обыденное, — Лев окинул взглядом лица мужиков.

— Оно, конечно так, да не так, в своей философской манере ответил Михась.- Пить когда делать нечего — одно, а когда работать надо, ни-ни. Особливо если сообща.

— Ну, а детдом-то, — вернулся к интересующей его теме Лев, — не знаешь, кто пожег?

— Отчего не знать, — пожал плечами Михась, — знаю. Кладовщик ихний. Сенька Губошлёп.

— Какой кладовщик? Зачем? Спьяну что ли?

— Зачем спьяну? Сенька и не пил вовсе. Как раз он-то на себя руки и наложил. Поди-кось, пил бы, авось и до сих пор живой бы ходил. А так... Высосала баба с сопки его душу. Дочиста. Вернулись раз с посева, а он в сарае на перекладине висит. Дурында. Залез на колесо от «Беларуси» и...

— Не выдержал, что дети погибли?

— Да что ему дети. Из-за лешахи этой. Уж больно красива была. А когда послала, Сенька и не сдюжил. Хлипкий был. Некрещёный. А нечисть таких и выбирает. У нечистито, ведомо, души нет. Вот и хочет хоть на время человеческой погреться.

— Так что, выходит, эта ваша лешахиха Сеньку на поджог подбила?

— С чего лешахиха-то? Директор ихний.

Головная боль стала нестерпимой:

— Директор? Детского дома? Не может быть. Дикость какая-то.

Михась флегматично пожал плечами.

— Дикость с лешахихой в постель лезть. А тут расчёт. Логика. Во! У него ж дитяти пропадать стали. Чуть ли не каждую ночь. Малолетки все. Поди-кось, за неделю всей оравы и не стало. Одну только схватили, прежде чем убёгла. Зачинщицу.

— Какую зачинщицу?

— Да была там одна. Бесёнок белобрысый. Шустрая, востроглазая. Всё про эльфов каких-то балакала. Мамку ждала. Мелкие только её и слушались. Она их всех увела. В лес на этих своих эльфов смотреть. А там и сгинули. Потом её ещё в дурке заперли. Хотя я думаю, что малых лешахиха с сопки к себе заманила. Уж шибко она до детишек охоча. У

самой-то, видать, нету. За лешими такое часто водится. Вот и превращаются в лисунков заблудшие в лесу ребятёнки. Они ж по малости лет сопротивляться не могут. А эти ещё и мамку все искали...

— В дурку? , — прошептал Лев, пытаюсь связать всё воедино, — бесёнок белобрысый. Постой, как ты сказал? — «У нечисти-то ведомо, души нет. Вот и хочет хоть на время человеческой погреться». Что-то вроде сексуальной аддикции. .

— Чё? А. . Ну да. . Ад, одна дорога,- кивнул Михась, -, а через секс туда и попадёшь. Бабы- зло. Из избы бы их не выпускать. А то так подолом и вертят.

— Не...- машинально, думая совсем о другом пробормотал Лев, — тут другое- бегство от одиночества. Снова и снова в сексуальную связь вступает, даже с незнакомыми, пытаюсь хоть на время тепло почувствовать, погреться, как ты сказал. Избавиться от внутренней пустоты. Зависимость, проще говоря.

— Чё?

— Ну аддикция эта сексуальная... Зависимость... в смысле от секса. Ну как от самогона что ли...

— А-а. . Это да. Она самая акция. . Если не хлебнуть, то так худо бывает, что кажись, помрёшь прям тута.

Лев не слушал. Он торопливо доставал телефон.

— Сергей? Привет. Это Лев. Ну вот, ты говорил: «Звони», я и звоню. Да нормально всё, но помощь нужна. Ты теперь шишка. Не в службу, а в дружбу. Глянь по своим каналам, что есть на Гостемирову Светлану. Ага. Николаевну. Жду... Да, похоже на то. Не ржи. Ну, влюбился, с кем не бывает. Подстраховаться хочу. Ага. Спасибо. Так. Одна. Муж погиб три года назад? В Африке? А что его туда занесло? А-а, врач, под эгидой Красного креста. Да, блин, вот и командировка. Как она пережила-то. И малышка. Теперь понятно, откуда травма. Спасибо. Что, ещё что-то? Паспорт получала странно? То есть? Так... Так... Ого. Запутанная история. Так и не узнали, как 16- летняя девчонка, без родных и друзей оказалась в городе? И выдали? Странно. Ну ясно. Значит, замуж выскочила. Да знаю я, что умная. И что красивая, знаю. Да вот, как видишь, бывает. Спасибо. Слушай, ещё одно. Это уже по работе... Пожар был. В детском доме. В 90–91, да-да... именно скажи, что случилось. В двух словах. Для статьи мне. Так... Кладовщик спяну...

— Да не пьющий был Сенька!

Лев предупреждающе вскинул руку. Михась что-то пробурчал и повернулся к мужикам.

— Да. Да. Тут я... Слушаю. Сгорели? Нет... не нашли тел. Ага. Не искали даже. Одна девочка? Куда? Да, знаю больницу. Ну, если что, наведу справки. Какой- какой диагноз? Ага. Психотическое расстройство, ну, обычный после стресса, пережитой травмы.

Понятно... Спасибо огромное. Не всё? Что? Исчезла? Из больницы? Через неделю? Искали и не нашли? Ого. Странно это. Да нет ничего. Просто работу пишу. Да аттестацию проходить надо. Вот и затеял что-то вроде исследования! Спасибо ещё раз! Будь здоров. Карабкайся ещё выше Ага. Выше гор могут быть только горы. Не-е. Не пропаду. Давай...

Итак, детский дом сгорел, дети исчезли. Осталась только одна девочка. Девочка, которая рассказывала про эльфов, Девочка, которую поместили после пережитого шока в специальное лечебное заведение. Девочка, которую никогда не выписывали, потому что через неделю она просто исчезла. Играла на площадке с другими детьми, убежала за укатившимся мячиком и не вернулась. Девочка, которая считала себя эльфийкой и очень ждала маму. Девочка по имени Света.

Вспомнились истории о суккубах. Вспомнилась Светлана. И её слова «Самое страшное в том, что в этом „вашем” мире с вами вынуждены жить и другие. И умирать. Потому что созданы они иначе, не так как вы» Что это она себя-то из круга исключила? «Вы» да «вашем». Неужели правильный диагноз девочке поставили, хоть и предварительный? «Острое преходящее психотическое расстройство». Лев знал, что именно с таким чаще всего попадают в больницу впервые. Так что могли шлёпнуть и для галочки. Ну, а вот если серьёзно, то серьёзно. Могут за этим скрываться и шизофренические психозы и кое-что похуже, если он правильно помнил психиатрию.

Может, и не защитная реакция вовсе весь облик Светланы, а наоборот как раз? Боевой раскрас. Хищница, вышедшая на охоту? Ведь первое впечатление такое было. Это потом он копать стал в себе и в ней. О самопрезентации рассуждать. Спасать захотел. Да его самого, похоже, спасти впору. А то повторит судьбу Сеньки Губошлёпа.

— Михась, ты извини, что перебил. Так зачем директору пожар нужен был? — спрашивал Лев скорее для формальности. Во-первых, было уже не интересно, а во-вторых-понял.

Михась его догадку подтвердил.

— Так пропали ребятки-то. Не сберёг. Узнают- кому отвечать? Не кладовщику же. А так всё шито-крыто. Ну, пожар, ну посадили Сеньку, дали пять лет, через три вернулся... Виновный наказан. Отстраивать заново здание никто не будет, можно и распродать кое-что. Детей в город да в райцентр увезли, а дом прихватизировали по-быстрому.

— Да откуда ты это всё знаешь-то, чёрт возьми! — всё-таки не выдержал Лев.

— Э! Не поминай нечистого к ночи! Тебе ещё впотьмах возвращаться. А я знаю, поскольку там сторожем работал. Колхоз вон разогнали, работы не было, все и подались кто куда. Сторожить детишек-то всяко лучше, чем в городе в коптёрке какой-нить вшей кормить. Хоть и страшновато ночами окрест сопки-то бродить было, врать не буду. А Сенька Губошлёп, так тот свояк мой. Сеструха сильно по нему убивалась. Я как-то даже с

ружьёшьком на эту лешачиху ходил. Думал, бахну ей в брюхо, авось Сеньке и полегчает. В семью вернётся, а то пропадает сеструха, извелась вся...- Михась замолчал, а затем зло сплюнул.

— Ну и как? Не нашёл?

— А вот не твоего ума дело! — окрысился вдруг мужичонка, — хотишь, чтоб я сказал, что бабу грохнул? Нашёл дурака. Накося, выкуси — он сунул в окно заскорузлый кукиш, -, а ну, езжай отселева, пока вилами не помогли...

Лев пререкаться не стал. Поблагодарил и медленно двинул восвояси. Подумать было о чём. Страшно, но в голове неотступно крутилось, что психические расстройства и шизофрения в частности обуславливается генами. В такт головной боли то и дело огненными буквами в сознании вспыхивала фраза из учебника » ...исследования говорят о высокой степени наследственной обусловленности заболевания» Вот и взялся помочь Виолетте. На душе было погано.

Практикум

Что такое нетанцевальное настроение, о котором он упомянул при Вете, Лев понял только сейчас. Он брёл, низко опустив голову, мысли были действительно тяжёлыми, невысказанными. Какого лешего он вообще туда пошёл! В тайгу, в смысле, не в ДК. Да и в ДК, если подумать, тоже. Танцевать он никогда не любил. Главным образом, потому что не умел. Да и скопление народа переносил не очень хорошо. Кстати, о леших. Не давала ему покоя история Сеньки Губошлёпа. Синдром Красавицы и Чудовища давно вызывал интерес.

Красавцем, судя по прозвищу, Губошлёп не был. Как и сам Лев, между прочим. А вот «Лешачиха» явно была. Света. Что они находят в таких, как Губошлёп и он? Современные варианты с «папиками» рассмотрению не подлежали, там-то понятно всё было. Но Губошлёп? Но он сам? Он, конечно, знал, что отношение к мужчине во многом зависит от того, какая рядом с ним женщина. Наоборот почти никогда. В этом смысле женщина всегда была самодостаточной. Либо красивая, либо нет. Либо умная, либо не шибко. И кто вышагивает рядом с ней, на это никак не влияет. Если же какой-нибудь

мальчишка-изгой, неудачник появлялся на людях с секси-девочкой, его статус в компании менялся.

Лев свой статус поменять тоже был бы не прочь, да вот только компании не было.

Ну, так чем же он приглянулся-то Свете? И приглянулся ли? Случайно ли их знакомство? Она пришла к нему. Могла использовать дочь? Попросить нарисовать их вместе? Использовать для приглашения домой. Нашла повод? Спровоцировала конфликт, чтобы он чувствовал себя виноватым. Осознание вины очень ослабляет человека. Нарушает внутренний баланс. Если по её вине тогда погибли дети, и Света понимает это, пусть даже на подсознательном уровне, то вполне может стремиться перенести свою вину на другого. Причинить боль. Потому что больно самой. Страшнее всего, если пострадает Вета. Да ещё генетическая предрасположенность. Гремучая смесь.

Если мужчины часто появляются в доме. Сменяют один другого не только на паркете, девочка просто может не выдержать, совсем уйти в свой сказочный мир, к Нежке. Как когда-то сделала и её мама. А вернулась совсем иной. Хищницей? А может, не вернулась? Так и осталась? Кем? Эльфийкой в чужом мире? Зачем она его пригласила? Ищет замену погибшему мужу? Забвения? Нашла кого выбрать. Почему он? «Хлипкий был. А нечисть таких и выбирает. Своей души нет, вот и хочет человеческой согреться». А-а! Пропади ты пропадом Михась вместе со своей философией!

Лев со злостью пнул подвернувшуюся некстати полураздавленную жестяную банку. Загремев, она поскакала по тротуару. Испуганно покосившись в его сторону, ускорила шаг какая-то женщина. Лев грустно усмехнулся. «Ну вот. Уже и люди шарахаться стали. Жди, Сенька, когда-нибудь обсудим наших „лешачих“». Самое обидное было в том, что Лев понимал: Светлана-то ни в чём не виновата. При любом раскладе. Даже если больна. Тогда надо помочь. И он сделает всё, чтобы Вета была счастлива. Чтобы счастлива была Света. Чтоб они были здоровы. Лев поднял голову и улыбнулся. „...Я знаю цель. Я вижу ориентир...” или как там поёт Вера Брежнева? Неважно. Смысл в том, что любовь может действительно вылечить душу. А он любит! Искренне и беззаветно. В этом Лев не сомневался. Пожалуй, впервые в жизни.

Света встретила его в холле.

— Пришли? Я вас ждала. Идёмте — она протянула руку. Лёв вздрогнул и, незаметно вытерев о штаны внезапно вспотевшую ладонь, осторожно коснулся тонких пальцев,- прохладно сегодня, извините, что не у входа встречала. Ну и гостиница тут близко...

За её мыслью Лев опять не уследил. Неужели намекает, что можно снять номер и... он покраснел. Сколько денег у него с собой?

Светлана всё быстро расставила точки над i.

Это она умела.

— Горячие парни с востока там живут, ну и скажем так, не один вы страдаете стереотипизацией.- Света плавно провела рукой вдоль тела, как бы демонстрируя себя. — Кстати, сегодня бы я на Вас не обиделась,- засмеялась она.- Принять меня за кого-то другого — это надо богатой фантазией обладать. Как бы вы сказали — дивергентным мышлением?

Лев бы не сказал. Такие слова просто вылетели у него из головы, когда он увидел Светлану. Волосы, сверкающие словно Млечный путь безлунной ночью, зачёсаны назад. Безупречная золотистая кожа, будто светится изнутри — теперь стало ясно, для чего чертенята варили своё золото. Котлы опрокинули. Содержимое разлилось, смешавшись с природным загаром. Если бы сейчас Света сказала: „Знаешь, я — эльфийка”, Лев бы поверил. Никто бы не смог усомниться. Платье коричневое с золотом, усеянное блестящими камушками, словно каплями водопада или скорее слезами нимф, которые плакали от зависти, будоражило воображение, оставляя скрытым... лишь то, что должно таковым быть: ноги, плечи, спина к этому явно не относились. Лев не подозревал, что в мире может существовать такое совершенство.

— ...»Может ли в столь прекрасном теле жить злой умысел?»

— Что вы сказали?- обернулась Светлана.

— Если я повторю и объясню, Вы меня убьёте. Нет. Прогоните, что гораздо страшнее.

— Вы неисправимы, Лев,- даже ваши комплименты подёрнуты дымкой оскорбительных полунамёков. Сравнили меня с Фриной?-засмеялась Светлана.- Спасибо. Комплимент перевешивает.

— Я не знал, как её зовут. Просто слышал, что судили гетеру и когда все доводы были исчерпаны. А судьи оставались непреклонны, защитник сорвал с неё одежду и воскликнул: «Может ли в столь прекрасном теле жить злой умысел!»

— И её оправдали,- кивнула Светлана,- Фрина. Не забывайте, я всё же культуролог. Даже сейчас, почти раздетая. Кстати.

— А ваше платье мне сейчас чем-то напомнило тунику, — пробормотал Лев лишь для того, чтобы что-нибудь сказать.

— Содержимым,- расхохоталась Света.

Лев покраснел

— А почему мне так понравился ваш комплимент, знаете?- у Светланы было явно хорошее настроение. Похоже, танцы дарили ей счастье и свет в прямом смысле этого слова.- Ну, помимо очередного сравнения с гетерой в вашем исполнении, к которым я уже начинаю привыкать! Пракситель, ну этот знаменитый скульптор древнегреческий,

запечатлел вашу Фрину в образе Афродиты — богини красоты. Так что спасибо!- Света сделала изящный реверанс.

— Расскажите, пожалуйста,- Лев сглотнул, с трудом оторвав взгляд от груди поклонившейся Светланы. В такой позе платье не помогало. Но тем не менее попросил он искренне. Он наслаждался её голосом. Хотелось, чтоб Света говорила и говорила. Сейчас, когда нет в интонациях жалающих игл, то и дело всплывающих, кружащих в водоворотах колючих льдинок. Просто хрустальная чистота ручья. Очищающая и манящая.

— Прямо сейчас? — глаза Светланы лукаво сверкнули.- Вы меня удивили. Ну хорошо. Однажды к Праксителю обратились жители острова Кос с просьбой изваять для них статую прекрасной Афродиты. Он сделал две — в лёгком одеянии и нагую. Заказчики поколебавшись, взяли одетую, а их соседи — соперники- обнажённую, и это прославило их родной город Книд. Афродита Книдская стала каноном женской красоты. Со всей Греции и не только приезжали в Книд ценители прекрасного только затем, чтобы увидеть изваяние.

Кстати это была первая нагая женская статуя в Древней Греции.

— Если бы позировали Вы, я бы добрался не только до Книда.

— Правда?- Их глаза встретились...Длинные ресницы дрогнули, и Света отвела взгляд. Впервые. Он продолжал держать её за руку. Какое-то полудетское смущение летней тучкой повисло над их головами. Лев не понял, к добру ли к худу, и поторопился всё обратить в шутку:

— Наверное, это ваша первая лекция в таком виде. И я единственный слушатель.

Пусть физруки обзавидуются.

— Так вот в чём подвох,- облегчённо рассмеялась Света, устремляясь в предложенный выход — я уж и не чаяла встретить умного мужчину, для которого приватная лекция предпочтительней приватного танца. Но для меня это в первый раз, учтите и не будьте слишком строги

— Э нет!!! Если вы ставите вопрос или- или , я переголосую!

— Поздно. Жители холмов выполняют одно желание.

— Кто?

— Так в Англии называли фей. Ну или эльфов.

Одна реплика, и Лев вернулся на землю. Так вот каково Люциферу было быть низвергнутым с небес! Лев не знал, что блаженство так резко может смениться болью. Светлана почувствовала перемену его настроения.

— Что-то случилось? Не расстраивайтесь. Я же пошутила. Приватный танец не обещаю, но с вами станцую обязательно. Пусть воплотиться в реальность рисунок Виолетты. Идёмте!

— Я должен сказать вам, ... Лана, — горле внезапно пересохло, и Лев даже проглотил часть имени, — должен сказать, что был в...

— Лана? Меня так называли... раньше и я уже не думала, что. Ладно, зовите пожалуйста. Это красиво. Необычно и даже немножко сказочно. Я всегда хотела быть героиней сказки. Простите, что перебила. Что вы должны сказать?

Лев чуть не заплакал. Ещё немножко... Всё происходящее ему напоминало когда-то читанный рассказ Морюа «Отель „Танатос”». Повернуть вентиль и пустить газ сил не хватило. Может быть, это сделает она. Но всё-таки чуть позже.

— Я должен сказать, что был всегда очень плохим танцором. Если честно, Лан, я совсем не умею танцевать. Ну взгляните на меня!

— Я на это надеялась, — Светлана хитро прищурилась.- Прошу на паркет. Месть — это блюдо, которое следует подавать холодным.

Народу было немало. Позор будет полным. Люди оглядывались, провожая их взглядом. Многие, видя его походку, уже улыбались.

— Лана, милая... Вы же понимаете, что из этого выйдет.

— Прекрасно понимаю! — Она почти тащила его за собой,- зато Вы поймёте меня.

— Но я же попросил прощения!

— Я потом тоже попрошу!

— Но я просто-напросто оттопчу вам ноги!- Лев предпринял последнюю решительную попытку.

— А это у вас вряд ли получится,- засмеялась Света,- но способ не- плохой. Старайтесь.

Заиграла музыка. Пары вышли на паркет.

» Ну почему же меня не выгнали отсюда!!!» — ответ был получен. Когда Лев заметил перемигивание Светланы и белокурой красавицы, которая явно была тренером, может той самой «Изабель», танец начался. Какой? Лев не имел представления. Сон, воплотившийся в реальность, но... кошмар или блаженство? Гибкое, полуобнажённое тело Светы в его руках, полумгла и красивая музыка, а вдобавок полсотни глаз, устрелённые на него, хохот и ощущение собственного бессилия. Абсолютного. Он топтался, как медведь на цыганской свадьбе, Света извивалась змейй, выскальзывая из его рук. По сути, Лев выполнял роль шеста в каком-нибудь стрип-денсе.

— Ты злая!- прохрипел он, задыхаясь от напряжения.

— И тебе это нравится,- под ресницами сверкнули всполохи пламени. Рука скользнула по груди. — Огонь. Почувствуй его. Одна душа на двоих- вот, что такое танец. Лев вздрогнул.

— Почему одна? У кого-то из нас её нет?

— Потому что $1+1=1$. Это формула танца. Формула любви. Формула жизни. Её губы были так близко, она шептала это на ухо, прижавшись всем телом. Лев дрожал. Лана это чувствовала, не могла не чувствовать.

— Ты убиваешь меня,- прошептал он,- я не могу... Не могу стерпеть.

— В этом и смысл, — её шёпот проникал в самую душу.- Только тут ты живёшь. Только тут ты горишь. Ни учеников. Ни администрации, ни морали. Ты свободен. Почувствуй.

И Лев почувствовал. Только сейчас он понял, что они перешли на «ты». Понял. Что ему стали не важны устремлённые на него взоры. Ему плевать!!! На всех! На всё! Светлана — ЕГО! Он схватил её за талию, притянув к себе. Успел увидеть, как распахнулись карие глаза. Почувствовал вырвавшийся вздох. И началась борьба. Начался танец. Музыка сменила ритм. Светлана по-прежнему скользила вокруг гибкой пантерой, но и Лев вышел на охоту. Может быть, и не было грации и пластики, но была сила и какая-то первобытная мощь. Его вёл древнейший из инстинктов — инстинкт охотника. Их руки соприкасались пальцы, сплетались то ли в экстазе, то ли в борьбе. Дыхание было частым и прерывистым. Лев нашёл единственный способ — абстрагироваться. Ушёл в себя. Он не видел Светлану, не знал, с кем танцует и танцует ли вообще. Не было зрителей, не было зала. Остался ритуал. Магическое действие шамана. Отпускающего душу в полёт. И... внезапно всё кончилось. Светлана прижалась к его груди. Её плечи слегка вздрагивали. Она смеялась. Вокруг раздались хлопки, переходящие в аплодисменты. Лев удивлённо оглядывался по сторонам. Один из мужчин, стройный красавец, хлопнул его по плечу.

— Ты первый, кто сделал Светку. Кто не сбежал. Первый после её Вади. Вообще она у нас одиночница. После того как Вадим пропал, почти ни с кем не танцует. Вон с Изабелкой только или дочуркой своей. Любой, кто её пригласит, рад не будет. Это все знают. Больше даже и не подходят. Мы- то тебя увидели, думали- всё. Светка кого-нибудь на потеху привела, вот смеху-то будет! А ты...сдюжил! Здоров! Прямо русский медведь. А силищи-то сколько. Ярости.

— Брысь отсюда! Моё! Себе сам ищи! — Света толкнула мужчину в грудь.- Нет, серьёзно. Иди отсюда, Эдик! Не по твоей он части.

— Жаль...жаль. . а ты уверена?

— Более чем,- хихикнула Лана.- О ! Вальс... Осилим?

— Единственный танец, который я учился танцевать,- кивнул Лев. Его рука уверенно легла на её обнажённую спину. Лана улыбнулась

Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз...

Теперь они танцевали уже вдвоём.

— Ты зря боялся,- шептала она, положив голову ему на плечо — сегодня были не занятия, просто танцы. Если бы ты смотрел не на меня, то прочитал бы объявление: «Бал одиноких сердец». Потому и народу много. А то, что ты делал со мной, произвело фурор. Отныне ты легенда. Здесь же все скромные. Первый раз друг дружку за руки взяли...

— Обманула меня...

— Нет. Разыграла. Даже это платье специально надела, чтоб у тебя сомнений не осталось. Кстати хорошо, что влезла. Я девять лет назад в нём на Кубке Сибири выступала.

— Так ты танцуешь?

— А ты не заметил?!- она ударила его кулачком в грудь.- Медведь неуклюжий.

— Я имел виду, ты профессионалка?

— Лучше замолчи, а?

Он замолчал. Мелодия вальса кружила над паркетом. Пары неуверенно переминались с ноги на ногу. Были и пожилые. Лев улыбнулся, а сердце вдруг кольнуло.

Предчувствие? Страх?

Света подняла голову

— Нет, ничего,- он погладил её по волосам,- просто вспомнил одно поверье.

Говорят, что если кто-то станцует с феей, то навсегда останется прекрасным танцором.

— Неправда. Если кто-то станцует с феей, то навсегда потеряет душу.

— Лан, я хотел спросить. Позавчера, у тебя на балконе, помнишь?

— Нашу первую ночь?- улыбнулась Света.- Кстати, свою точку невозврата ты, похоже, миновал.

— Похоже...- Лев чувствовал, что должен сказать. Иначе просто будет предателем.- Лан... ты тогда сказала «у эльфов есть предание». Причём сказала так, будто это какой-то народ. Будто веришь в их существование.

— Это профессиональное. Мы так привыкли. Вот наш известнейший филолог-фольклорист ПроппВладимир Яковлевич писал... Голос Светланы изменился на замогильный, каким рассказывали сказки у костра в лагере: «Яга напоминает собой труп. Труп в тесном гробу или специальной клетушке. Она — мертвец»

Света рассмеялась:

— Видишь он описывает ее, как реально существующую, но это же не значит, что Пропп верит в Бабу-Ягу.

Произнесенное это было непринуждённо и убедительно, и Лев бы поверил, если бы не прижимал Свету к себе не чувствовал под рукой удары её сердца...

— Света, я должен сказать...

— Да? — её глаза сверкали. Слёзы? Отблески зеркального шара под потолком?

— Света, я... — её губы так близко, влажные...чуть приоткрытые... — я...

Итог

«Я люблю тебя» — три простых слова. Поцелуй. Она ждёт, это же видно. Нет. Нет! Это предательство. Позже, если будет возможно...

— Я наводил справки. О тебе. О детском доме. Ты до сих пор веришь в эльфов? В то, что ты эльфийка? Это ты убедила детей убежать в лес?

Она опустила голову.

— Я хотела оказаться в сказке. Оказалась... — Света отстранилась. Взглянула прямо, не пряча взгляд в тени ресниц. Глаза были сухие, — ты только что сжёг лягушачью кожицу, дядя Лёва. Как в сказке. Пока царица была на балу. Никогда не думала, что это так больно. В сказке об этом не писали. Не провожай.

— Лана! — Лев бросился за ней.

Хлопнула дверь.

Свету он нагнал только у раздевалки. Как она на каблуках смогла так быстро пробежать по лестнице, было непостижимо, сам он чуть подвернул ногу. Девушка швырнула номерок на стойку, получила плащ и даже, не взглянув зеркало, на ходу накинула его на плечи.

— Света! Я не отпущу тебя!

— Вызовешь скорую?! Пусть приедут со смиренной рубашкой!

— Света, остановись, пожалуйста! — он догнал её, схватил за руку.

— А если нет? Сам скрутишь? Ударишь? Реализуешь свои фантазии? Я знаю, видела, что в тебе есть. Что прячется за этими очечками и костюмом. Почему же тогда ты судишь других? Кто дал тебе право?

— Но ведь ты же разбудила это нечто. А теперь уходишь. Я не смогу без тебя. И я никого не сужу. Тем более тебя. Я только хотел помочь.

Света остановилась:

— А в чём заключалась твоя помощь? Втереться в доверие? Влюбиться в себя? Упечь в психушку? В чём именно? Что ты хотел? Или просто трахнуть училку? Как пикаперы.

Применить, так сказать, свои знания на практике?

— Свет. Я психолог. Ты меня не шокируешь и не оттолкнешь.

Она опустила голову:

— Зачем ты это сделал?

— Я хотел помочь. Я видел, что тебе больно. И я помогу! Я не оставлю ни тебя, ни Вету.

— А если... если я попрошу... оставить?

— А ты попросишь?

Он взял её за плечи, — взгляни на меня, пожалуйста. Взгляни и скажи, что одной тебе лучше. Легче.

Она взглянула. Огромные глаза были полны слёз.

— Легче, да. Но не лучше. Я это поняла сегодня... Значит, так и надо. Может быть, я смогу... вернее, ты сможешь... Она недоговорила. Всё равно бы я не стала тебя обманывать. Скрывать. Я не полюблю тебя Лев. Я никого не полюблю. Но ты можешь мне дать Забвение... Дар это или наказание? Скорее судьба...

Лев молчал. Свете надо было выговориться. Её глаза подёрнулись какой-то злой дымкой. Туманом Иномирья...

— Я верила в сказки. Вот только тропинка туда пролегает через пустоту. Не задумывался, почему? — она говорила странно, не обращаясь к нему, словно пыталась

объяснить что-то себе самой. Наконец-то ответить на давно заданные вопросы Почему Кроличья нора манит чернотой оскала и улыбку Чеширского Кота можно увидеть, лишь шагнув в бездну? Почему дверь платяного шкафа всегда кто-нибудь захлопнет и не знаешь, чего коснутся пальцы в следующий миг? Не потому ли, что нужно пройти испытание, некий обряд инициации, что сказка принимает лишь достойных? Как Рай, как Вальгалла, — в голосе Светы слышалась затаённая боль, — хочется верить, что валькирия протянет тебе руку и поцелует. Необходимо верить. А поцелуй — это ведь не страшно. Страшно другое — знать, что ничего не будет, что пальцы ткнутся в деревянную стенку, что под ногой скрипнет шарик нафталина, а не снег Нарнии. Что ты забыла дорогу и не можешь вернуться, и путь только один — домой. Что ты — повзрослела!

Внезапно её глаза сверкнули холодной яростью, и Лев едва не отшатнулась... Но направлена она была не на него.

— Ты хочешь меня вылечить? Но беда в том, что я здорова! Я всего лишь повзрослела. Но чёрная дыра кроличьей норы сохраняет все свойства своей космической сестры. Она притягивает и не отпускает. Никогда. Если ты приблизился, — её голос стал тише:

— Прости мне ещё одну лекцию. Она последняя, уверяю. Мне больно. Больно потому, что только моя вина, что Волшебная Страна стала слишком маленькой. Понимаешь, мы уже не можем пролезть вслед за Кроликом. По разным причинам. Кто-то из-за потолстевшего живота, — Света хлопнула психолога по пряжке ремня-, а кто-то — из-за туго набитого кошелька в заднем кармане брюк, с которым он сросся уже органически, — она кивнула в сторону проехавшего джипа. Они стояли у самой обочины.- Иной же — из-за распухшей головы, так же туго набитой никчёмными знаниями, зачастую ещё более никчёмными, чем нелепые бумажки в кошельке.- Света ничего не делала, но Лев покраснел.- А кто-то — из-за силиконовых имплантов, попытавшись воплотить мечту фантастов и сказочников в реальность, стремясь заполучить принца, забыв, что они ловятся не на форму груди. Во всяком случае — настоящие. Не смотри на меня так, — горько усмехнулась Света, — это я не про себя. Про меня будет позже

Как бы то ни было, причины у всех разные. А итог, как правило, — один. Под рукой всегда находится пузырьёк с манящей надписью — «выпей меня». Вот только действие почему-то иное... и остаётся только ломать ногти, царапая землю или биться головой о заднюю стенку платяного шкафа.- Лев вздрогнул и отвёл глаза. Лана коснулась его руки.- Прости, я не хотела сделать тебе больно, Может быть, чуть-чуть. Чтоб ты понял, что я права. — Но есть ещё путь, и ты выбрал его, и поэтому я выбрала тебя и путь этот: рассказать сказку другим, тем, кто ещё слушает, кто умеет прощать, кто хочет верить. И

тогда, может быть, нам позволят вернуться. Нам помогут. Возьмут за руку и проведут той дорогой, о которой мы успели забыть или никогда не знали. Но какой будет эта сказка для нас и наших маленьких провожатых? Доброй? Хотелось бы верить, потому что иначе и не стоило ничего затевать. Ей- богу, не стоило...

— Лана, я понимаю, о чём ты говоришь, но сказки — это всего лишь сказки! Эльфы. Нет их! Ни фей, ни эльфов. Как сказка может изменить нашу жизнь?

— Может быть, ты и прав. Никаких фей. Никаких эльфов. Тогда послушай, пожалуйста, одну историю. Она короткая. Представь себе картину: тебе она, собственно, очень знакома!

— Света, взрослым надо поговорить! Возьми фломастеры и порисуй, зря их купили что ли?! — и мы отворачиваемся от распахнувшейся двери...

Девочка опускает голову, делает несколько шагов и забирается в кресло. Берёт альбом и...

Зашелестит ли зелёная дубрава, улыбнётся ли Солнышко, отталкивая мягкими лучами облачко в синеву неба....

...или серым холодом надгробья дохнут нарисованные стены знакомого дома...

Сгорбленный высохший вяз, казалось, тянет узловатые руки, чтоб опереться на молодые деревца, но те в страхе отшатнулись, тесно прижавшись друг к другу, но освободив небольшую полянку в непролазной чаще. Невозможно поверить, что когда-то здесь был перекрёсток дорог. Но если бы у кого-то появилось желание разодрать одежду, руки и лицо, он мог бы поискать среди колючего кустарника (но это не значит, что нашёл бы) старый полусгнивший указатель, теперь уже покосившимся могильным крестом отмечающий место былой значимости. Буквы разобрать вряд ли бы удалось, но догадаться, куда он показывал, было несложно: за деревьями возвышается громадное мрачное строение. Груда кирпича и камня с зарешечёнными пустыми глазницами окон. Трудно поверить, что кто-то обитает в этой постройке: слишком уж давящий и гнетущий вид у прямоугольного потрескавшегося массива. Первое, что приходит в голову, — склеп. Какое-то чудовищное существо покоится за этими стенами. Боль, страх и одиночество серым туманом окутывает всё вокруг. Так что крест-указатель приходится весьма к месту. Ещё более уместен полуистлевший обрывок верёвки, слабо покачивающийся в скрюченных лапах старого вяза, невольно заставляющий вспомнить рассказы о перекрёстках и неприкаянных душах их обитателей... Кстати, одно из таких существ и копошится в корнях умирающего дерева.

Пугаться не стоит, ибо «одно» — это ключевое слово. Но что делает одна маленькая лохматая девочка в столь странном месте — этот вопрос возник бы наверняка у

любого. Возник он и у девушки, удивлённо застывшей на краю полянки. Вопрос же, что делает девушка одна в столь странном месте, пока оставим без внимания.

— Грустно...ты не хочешь со мной поиграть? — малышка поднимает головку, и огромные глаза заставляют девушку выступит из тени. — Давай поиграем в прятки? Хотя ты и не очень хорошо прячешься. Я тебя сразу увидела.

— Я? — улыбается девушка, — я плохо прячусь? Вот уж не ожидала когда-нибудь услышать такое да ещё от... она внезапно замолкает. — У тебя есть имя, малыш?

— Меня зовут Светлячок, — неохотно отвечает грязнуля, -, а имя спрашивать не хорошо. Если кто-то знает твоё имя, он может тебя заколдовать! Вот! Хе... ты такая большая, а этого не знаешь. Вот скажи мне своё имя?

Девушка вздрагивает и торопливо произносит:

— Но что ты делаешь тут одна? Где ты живёшь?

Светлячок неопределённо машет рукой, то ли показывая направление, то ли попросту отмахиваясь от скучного вопроса.

— Я жду!

— Ждёшь? Кого?

— Эльфов...

— Эльфов... малыш, но эльфов не бывает.

— Хе! Ещё чего! Погляди сюда! — малышка вскакивает на ноги, — видишь эту полянку? Смотри: по всему кругу растут грибы-поганки да мухоморы! Я её нашла! Я читала, читала, читала... и вот вдруг нашла! Это ведьмин круг!!! И сюда обязательно придут эльфы!!! И будут танцевать! И я тоже буду! Они позовут меня!

— Но... девушка подходит поближе и приседает на корточки, — ты ведь знаешь, что эльфы, воруют детей?

— Хе, — Светлячок заливается смехом. А говорила, что эльфов нет... — и вдруг, тихо-тихо добавляет. — Я и хочу, чтоб меня забрали. Знаешь, они живут в холмах и выходят по ночам. Но я не могу дождаться ночи, меня всегда ловят и возвращают назад.

— Куда?

Девочка вновь повторяет свой неопределённый жест:

— Но я знаю, что когда-нибудь всё равно их увижу...увижу и попрошу забрать меня с собой в свою страну, где весело, а не грустно, где всегда танцуют, поют и смеются.

— Малыш, ты плачешь? — девушка нежно разводит в стороны спутанные волосы и заглядывает крошке в глаза, -, а знаешь, что такие спутанные пряди, как у тебя, называются «локоном эльфа»?

— Не-а... это значит, я тоже... эльф?

— Нет, это значит, что к тебе по ночам приходит какой-нибудь эльф-проказник и заплетает такие косички — тонкие пальцы девушки быстро распутывают нечесаную гриву.- У тебя роскошные волосы, Светлячок.

— А...может, я всё-таки эльфка? У меня нет мамы и папы нет... К другим приходят, а меня. .меня не хотят брать, — девочка шмыгает носом, — говорят, я всегда

грязная. . Может. .может меня подбросили? Я читала!!! Поэтому я и жду эльфов на этой полянке. Мама меня узнает! Обязательно узнает, когда я буду танцевать — смотри!

Девочка быстро вскакивает и кружит по полянке, взметая старую пожухлую листву. Под ногой хрустит сучок. Светлячок вскрикивает и... падает в руки незнакомки.

— Ух ты...ты быстрая... я думала, стукнусь, меня опять накажут. Я сейчас ещё попробую. Я правда здорово танцую? .. Просто... просто голова немножко закружилась... мне бы поесть чуть-чуть...

— Я верю, Светлячок — в глазах девушки стоят слёзы — верю!

— Забери меня, мама, — вдруг тихо шепчет девочка, — я знаю, кто ты! Позови меня танцевать! Я хорошо танцую... Забери...

— Да. Малыш...сейчас мы станцуем...

— Ах, вот ты где, несносная девчонка! — что было громче и страшнее — голос или хруст ломающихся веток — неизвестно. Суровая женщина в мешковатом костюме медведицей вываливается на поляну. — Чумазая, а ещё к людям пристаёшь! Ну-ка быстро в столовую! Простите её, она хулиганка, за ней глаз да глаз нужен. Вечно удрать хочет. Надеюсь, она Вам не досаждала! А Вы к кому, собственно приехали? Это Ваша машина у интерната?

— Нет, не моя, — девушка поднимается на ноги, — я без машины, а Светлячок — не хулиганка, и она прекрасно танцует.

Женщина не слушает и уже тащит девочку за собой. Та не сопротивляется... только огромные глаза неотрывно смотрят на девушку и беззвучно шевелятся губы: «Мама... забери...» Из грязного платица вываливается смятый листок распечатанной бумаги. Девушка поднимает его, разворачивает:

«Мне говорили, что это случилось далеко на западе — появился небольшой круг из поганок. Внутри его нашли мертвую девочку. Место объявили проклятым. Круг стал быстро расти, и через несколько месяцев уже был в целую лигу. Внутри кольца трава потемнела и стала блестящей, как металл, но не погибла. Деревья скрючились, их листья померкли. Они гремели, даже если не было ветра, и летучие мыши плясали и метались меж ними. В сумерках там бродили странные тени -, но всегда внутри Круга, и какие-то огоньки, словно небольшие костры, горели там по ночам». И ниже корявым детским почерком приписано: » эльфы»

... — Света, ты возвращаешься домой, так получилось, прости, пожалуйста... фломастеры можешь оставить себе.

Листочек с улыбающимся солнышком скользит со стола на пол. Света возвращается. Её ждёт дом. Детский дом № 2. Со старым скрюченным вязом во дворе. И никаких эльфов...

Я не больна, Лев, я вылечилась. Давно и очень просто. Без вашей помощи. Я повзрослела. Я не верю в эльфов. Я не верю в сказки. Я любила один раз. И я его потеряла. Глупая и совсем несказочная страна забрала его и теперь я ни во что не верю, и поэтому мне не хочется жить. А теперь, Лев, проводи свой анализ. Если нужно, вызывай скорую, но помни одно — если уж ты перестал верить в сказки, то не верь и во всё остальное. В любовь, например. Может быть, тебе это поможет. Мне не помогло, — Света отвернулась. Она плакала, плакала почти навзрыд.

Лев не стал проводить анализ. Он нежно взял её за плечи, повернул к себе. Заглянул в бездонные глаза, полные боли, одиночества и тоски. «Я больше не могу быть одна». Она потянулась к нему... обвила его шею руками и...

И тут будто кто-то включил замедленное воспроизведение. Штатп,- успел подумать Лев, изо всех сил отталкивая от себя Светлану. Сам он с детства был неповоротлив и медлителен. Было ясно, что он не успеет. Эх, лишь полшага бы в сторону... Лев будто знал, что произойдёт (вот и ещё шаблон) -, но ни один штатп не отменяет действительности. Звука не было, он придёт позже, проникнет в мир, разрывая его изнутри визгом шин по мокрому асфальту, душераздирающим криком упавшей на тротуар Светы, скрежетом искорёженного металла, приправленного хрустом лопающихся костей. Его костей.

А затем звуки будут становиться всё тише и тише... Хлопанье дверцы и приглушённый мат. Слабое попискивание телефона и дрожащий, но по-прежнему волшебный голос будет шептать, вернее кричать в трубку. Но всё равно это будет уже шёпот, убаюкивающий, уводящий в страну грёз. И, как оказалось, совсем не важно, что произносит этот любимый голос. Пусть даже что-то вроде «Скорая... авария...пересечение улиц... Да, прямо на остановке... человек ранен...тяжело...какая разница! Срочно!». А затем «Лена! Помоги, не знаю, когда будет скорая. Ты ближе... Да, с Романом, он хирург...»

...Лев закрыл глаза...

А когда открыл, увидел склонившуюся Лану. Теперь её снова можно называть и так. Называть можно, дотронуться нельзя..., а хочется. Очень-очень.

— Неуклюжий медвежонок! — в её глазах больше не было ни чертенят, ни инеистых великанов, как бы они там не выглядели, в них были только слёзы.- Первое свидание, а ты так обращаешься с девушкой. Я из-за тебя каблук сломала. Кристиан Лабутьен, между прочим. Три зарплаты.

— Прости... Я люблю тебя... Я пытался сказать... Только ведь ты, ты-эльфийка..., а я.... Я...

— Как же мне надоел твой когнитивный диссонанс! — она прижалась к его губам.

Они ещё всё чувствовали... Хорошо... Лев улынулся...

— Надеюсь, это не сексуальная аддикция...

— Убью!- всхлипнула Лана, — вот выздоровеешь. Вернёшься и убью!!! Ну, где же скорая!

Таконезка больше не могла ждать. Нет. Она не пряталась от чужого счастья. Не закрывала окно. Ей не было больно смотреть, как радуются другие. Немножко грустно, но не больно. Ей хватало знания, что счастье есть, и нужно просто уметь ждать. Но она больше не может! Не может, потому что чувствует, что кому-то очень нужна. Что без неё кому-то очень плохо! Но кому?! Кому, Таконезка разглядеть не могла. Цепляясь ручками за подоконник, малышка забралась на него и, ухватившись за раму, высунулась из окна как можно дальше. Вокруг светились миллиарды окон, но ещё больше было тёмных и наглухо закрытых. Распахнутым оставалось только её... Той Кого не Ждут!- Таконезки ! Но это неправильное имя! Малышка всегда знала, что неправильное! Пусть не ждут её. Но ждёт она! И этого бывает достаточно! Нужно только, чтобы кто-нибудь вовремя поднял глаза к небу!

Лев хотел ответить, но не получилось. Кто-то взял Светлану за плечи, приподнял отвлёк в сторону... далеко- далеко стонала сирена. . и . плескались волны? Откуда море в Сибири... Нет, не волны... Крылья...Периферийное зрение отказывало, Лев смотрел на небо... Звёзды... Звёзды сегодня действительно яркие... Ой! Одна упала... Вспыхнула. Надо бы загадать желание. Пока всё замедленно, а то он никогда не успевал. Успеть бы сейчас... А потом со всех сторон навалилась тишина... звёзды слились в одну, но невыносимо яркую...

Сердечко Таконезки яростно билось, силясь вырваться из клетки, как и сама малышка. Ветер безвременья хлестал по лицу, пощёчинами пытаясь загнать её в привычную темноту, мешая рассмотреть, кому она нужна. В какую сторону она должна сделать последний шаг...

Мы смотрим на звёзды, но вдруг мы и сами — звёзды? Вдруг и мы для кого-то Ангелы? И кто-то смотрит на нас, так же загадывая желания? А если кто-то смотрит сейчас на меня. Что он видит? Всего лишь нелепого сломанного Ангела с перебитыми крыльями, который становится всё меньше... меньше...меньше... И он подумал: Господи, пусть кто-нибудь успеет загадать своё заветное желание...

— Сломаны рёбра, железным прутom ограждения пробита грудная клетка... невероятно, что он ещё жив. Сильный. Свет, мы не довезём его. Должны произойти чудо, чтобы...

— Я знаю. Смотри, Алён... звезда упала. Ты успела загадать желание?

— Света, у тебя шок, Пойдём к машине.

— ...А я успела.

— Света, врачи приехали. Пойдём. Ты ему уже не сможешь помочь

— Да, не смогу. Я не смогу...

— Света! Света! Что с тобой? Роман, сюда! Она потеряла сознание, видимо шок...

*

Таконезка желала, очень желала, чтоб её позвали. Она должна была услышать. Должна...

— Я сышу, — шепнула Таконезка, — я иду! — и шагнула из окна. Яркий свет вспыхнувшей звезды на миг заставил погаснуть все окна. На небе осталась лишь она одна.

Почему, Таконезка не поняла. Полет был очень коротким, она даже не успела испугаться, успела только закрыть глаза. Нежные руки подхватили ее и понесли вверх, снова к ее окну.

— Нет, — прошептала Таконезка, — я должна... Белоснежные крылья двух Ангелов затмили беззвездное безмие.

— Вы, — прошептала Таконезка, — Вы пришли ко мне? Вдвоём? Значит, я не умру? Я теперь буду сиять?

— Всегда,- красивый Ангел улыбнулся, а сильный усадил девочку на подоконник.

— Ярко, ярко — для всех.

— Нет, — тряхнула головой малышка, — только для вас. Мы обязательно будем вместе, но чуть позже. А сейчас — летите. Таконезка приложила руки к груди Ангелов и слегка толкнула:

— Летите!

— Я больше не Таконезка! — радостный вопль малышки заставил вздрогнуть стены небесного приюта. — Я буду тебя ждать, Ангел! Кому из двух Ангелов она крикнула, Таконезка не знала. Кто услышал, того и будет. Таконезка знала что двух Ангелов не бывает, что ей просто показалось, что она увидела двух Ангелов только потому что ждёт папу и маму. Но в ответ раздалось отражённое, точно эхом:

— Я тоже!

Эха же в безмие не было.

Тихий шепот и шелест крыльев и несколько расплзающихся капелек крови на ярко освещенном подоконнике...

— Света! Света. Ты слышишь меня? Я очень волнуюсь

— Я тоже...

— Светка! До чёртиков напугала. Роман, что с ней?

— Стресс. Переволновалась. Защитная реакция — рослый мужчина пожал плечами,
— обычное дело: женщина и обморок.
— Алёнка. Я тебе никогда не рассказывала. Я видела эльфийку...
— Свет...
— Это была моя мама. Я и сама эльфийка наполовину. Ноги от ушей, ожерелье вместо пояса и всё такое прочее...

— Света, милая, не волнуйся. Рома, что с ней? Она падала. На голове гематомы нет?
— Глупая, глупая Алёнка. Но я не об этом. Не смотри на меня так. Я уже была там, куда ты хотела бы меня направить.

— Свет, о чём ты говоришь?
— Я уже была в психушке. В детстве. Приёмные родители меня вернули в детский дом и, как мне сказали, у меня произошёл срыв и я убедила себя, что эльфийка. Только я не убеждала. Я узнала. Я не знаю, сколько бы меня там продержали и до какой степени бы долечили. Но меня забрала... Мама...

Алёна и Роман переглянулись

— Света...
— Алён, я это к тому, что всегда ненавидела психиатров и психотерапевтов и вот... этот один. Он вытащил меня. Дура! Я как наивная девчонка пошла за ним, поверила... и теперь...теперь не знаю, что делать. Я опять заболела. Он сказал, что я эльфийка, и я поверила. Что, если я ему всё расскажу и он отвернётся? Вот, как ты...А вдруг. . вдруг он..., Света проглотила слово, которое было страшно произнести. Второй раз я этого не переживу, Алён. И ещё.... Где-то далеко-далеко есть приют. Там живёт девочка. Она одна. Совсем-совсем одна. Во сне она разговаривает с подругой и верит в ангелов. Я должна её найти!

— Я тоже! — на этот раз губы Льва все же шевельнулись. В груди разливалось тепло. Было больно. Больно! И ногам и рукам и голове, прямо над которой выла сирена. Звёзд уже не было. Была крыша кабины скорой помощи. Над ухом, чихнув и засопев, вздохнул какой-то агрегат. На пару с ним дышать стало легче. В поле зрения появилось усталое лицо мужчины.

— Ну вы, блин, сибиряки даёте. Живучие, как... Сколько лет в вашем городе, а удивляться не перестаю. Держись, бугай. Коли уж там не помер, то здесь я тебе не дам. Такую железяку из тебя вытащили. Держись. Эх ты, красивую бабу плакать заставил. Мужик! Эх, жаль, что она даже руку не подвернула или лучше ногу, уж я бы... Эй, ты чего? Держись, я сказал! А-а... это ты мне кулак показываешь. Ну да...такая и с того света вытащит. . Повезло тебе... Вот приехали...теперь всё хорошо будет. Слышишь, всё будет хорошо!

Видать счастливая у тебя звезда!

Таконезка была счастлива! Два ангела и подруга, которая приходит во снах. Ей говорил, . что нельзя сиять вечно, что новые звёзды не появляются, что окно можно распахнуть только один раз, для того, чтобы вспыхнув, шагнуть в бездну. Теперь Таконезка знала, что это не так, а значит, и подруга у неё настоящая, и её ангелы тоже. Значит, когда-нибудь придут мама и папа. Надо просто ждать и верить... теперь это просто. Теперь она не одна! Таконезка взглянула на распахнутое окно. Глубоко вздохнула. Заглянувший на свет ветерок межмирья ласковой рукой взъерошил ей волосы. Таконезка счастливо рассмеялась. Она забралась в постель и укуталась одеялом. Ей так много нужно было рассказать Вете...

— Мама... мамочка, — Вета теребила Свету за плечо, — Не плачь, мам!

— Я испугала тебя, малыш? Разбудила. Прости меня. Просто я... не могу сдержаться. Я постараюсь потише. Пойдём, ляжем вместе. Котёнок, ты хочешь сестричку?
— Хочу! Но, мам, не ты меня не разбудила. Я пришла сказать, что всё хорошо. Он живой. Ты сходи к нему завтра. Он тебя ждёт...

— Вета?! Что... Откуда ты знаешь, милая? Я тебе ничего не говорила! Алёнка Кирюшке рассказала, а он тебе? Не может быть, она не дура... Звонили из больницы? Я не услышала? Но откуда они номер знают... Веток, не пугай меня.

— Мама я не пугаю! Наоборот! Всё будет хорошо, только сходи к нему. А то... он может поверить, что ты ненастоящая.

— Вета! Кто тебе сказал?

— Сестрёнка...-захихикала Вета и пошлёпала к себе в комнату, волоча за собой пушистого зайца. — Спокойной ночи, мам!

— Ветка!!!

— Спокойной ночи...

Соловьиной трелью распорол звонок покрывало ночи. Светлана вскочила и бросилась открывать. Не было ни страха, ни тревоги. Плохого случиться не могло, не сейчас... Она распахнула дверь и, внезапно пошатнувшись, начала оседать на пол. Высокий, загорелый мужчина, замерший на пороге отшвырнул сумку и подхватил обмякшее тело.

— Лана, милая, я вернулся... Я дома...

Руки обвили шею Вадима, Света уткнулась мужу в плечо. Неужели, правда, объятия нужны, чтоб скрыть выражение лиц? Света плакала, горько, навзрыд. Она никогда не думала, что чудеса могут заставить рыдать. Вадим гладил, золотое руно волос жены и шептал что-то тёплое ей на ухо. Света плакала, а в тёмной бездне, вывернутой наизнанку, насмешливо перемигиваясь, вспыхивали новые звёзды.

РЕКА

рассказ

— Простите, можно присесть?

Пустота внутри, не гарантирует оную вовне. Джеки неохотно подняла голову. Выбившаяся из причёски седая прядь мешала разглядеть мужчину, но чтоб убрать её требовалось лишнее движение А на него уже не хватало ни сил, ни желания. Джеки знала как выглядит. Издали всё ещё могли ошибиться, но вблизи... Старуха-баньши на берегу Твид, оплакивающая чью-то судьбу. Разбросанные рядом вещи и слезящиеся глаза усиливали сходство с плакальщицей. Джекки иллюзий не питала. Макияж давно уже не помогал. Собственно, поэтому она здесь. Все они здесь поэтому. Определить возраст мужчины было трудно. Заходящее солнце било в спину и он, отбрасывая какую-то infernalную тень, нависал над Джеки тёмной скалой, а загнутые поля шляпы рогами пронзали небо. Из распоротого небесного подбрюшья, хлестала закатная кровь. Оказывается Джеки не заметила как наступил вечер. Том, наверное, уже возвращается домой.

— Я присяду? — повторил свой вопрос мужчина

Джеки лишь слабо повела плечами и отвернулась. Тень сжалась, сложилась со вздохом боли и хрустом суставов — незнакомец опустился рядом на траву. Старый. Других не бывает. Хотя судя по тени — широкоплеч и высок. Интересно будет на него взглянуть через несколько минут. Тишина снова начала окутывать Джекки, но теперь она не приносила покоя. Женщина плюхнула ступнёй по матовой глади реки, чтоб хоть как-то разорвать удушливый кокон тоски. Гусеница не превратилась в бабочку, она просто умерла, оставшись такой же сморщенной, как и раньше. Джеки перевела взгляд со своих рук на колени, а затем ниже. Вода переливалась точно ртуть, ласкала опущенные в неё ноги, искажала зрение, делая ступни и лодыжки по-девичьи нежными и гладкими.

«Брен телех кта», — тихо произнёс мужчина. — Река, по которой струится ночь. Всегда считал название странным.

— Всяко лучше «Мунинских Верховодий»

— Это точно,— мужчина чему-то усмехнулся, — Река струящейся ночи. Принято считать, что из-за цвета воды.

— А вы не согласны? — Джеки вздохнула. Профессиональная вежливость, взращённая полувековым общением с журналистами и поклонниками, на рефлексорном уровне заставляла поддерживать разговор. Или хотя бы делать вид, Ровный голос. Ничего не значащие фразы. Хорошо хоть улыбаться не приходилось.

— Нет. Я думаю название из-за местной легенды. Говорят, река выходит из берегов, когда плачет богиня и мир очищается.

— И что это значит?

— Кто ж его знает? Никому из живущих разлива видеть не доводилось. В мифах сказано, что наступит Ночь. А Ночь всегда чиста. Кстати, уже темнеет, а вы почему-то одна.

— Я не одна. Я с вами

— О чём, похоже сожалеете.

А он не глуп, Джеки чуть повернула голову, и сквозь вязь волос взглянула на собеседника. Красивый профиль. Вернее — настоящий. Не огламуренно-карикатурный, к которым она привыкла. Орлиный нос, похоже перебитый, волевой подбородок, пронзительно синие глаза. В таком возрасте их встретишь не часто. Джеки стало стыдно. Только что проводила мужа и...

— Простите меня,— Мужчина не поворачивался к ней, а всё так же смотрел на мерцающее зеркало реки, — я не хотел вас тревожить, но мне необходимо было с кем-то поговорить. Я подумал, что одиночество может оказаться неплохим...

— ... Сводником? — слабо улыбнулась Джеки.

— Я хотел сказать — стимулом побороть нерешительность, но ваше определение точнее. Простите, не было случая представиться. Вацлав Мунин.

Джеки невольно вздрогнула и повернулась к собеседнику.

— Тот самый? — за те же полвека, перед камерами, она так и не научилась скрывать наивного детского изумления, — Я думала вы уже... — Джеки по-девчоночьи прижала ладонь ко рту... — Ой, извините.

Мужчина снова улыбнулся:

— Ещё нет, но вы правы, пора. Собственно...

— Что вы! Я сглупила, это старческое. Вы же открыли источник бессмертия.

— Нет. Я лишь нашёл реку вечной тьмы.

Мужчина замолчал. Молчала и Джеки, хоть в голове у неё вертелась тысяча вопросов.

— А вы? — наконец произнёс мужчина

— Я?

— Да. Вы ведь Жаклин Нуар? Та самая?
— Та самая.... Только не добавляйте мою вторую фразу.

Оба рассмеялись. Смех мужчины был мягким и бархатистым как воды его реки. Жаклин почему-то стало легче. Невыносимая усталость прошла.

— Жаклин Нуар,— повторил Вацлав, — Подумать только. Ночная Дива, загнавшая под каблучок не только мир кинематографа, но и Томаса Ротда, богатейшего человека всей галактики, сидит со мной на берегу речки и смеётся, болтая ногами в воде. Какое уж теперь бессмертие. У меня к вам одна просьба. Уважьте старика?

— Неужели автограф?

— Нет. Просто зайдете в воду раньше меня.

— Ха! — расхохоталась Джеки, — я знала, что учёные циничны, но вы всех превзошли, вы — безжалостны. Вы бы понравились моей внучке.

— Почему?

— Вас не пугает прошлое.

Мужчина задумался.

— Наверное, вы правы. Я не боюсь прошлого, это оно шарахается от меня. Но знаете, Жаклин, моя просьба была серьёзна. Если бы я увидел Афродиту, выходящую из пены, может быть понял, что Уран оскроплен не зря.

Интуитивно Джеки поняла. Это не комплимент и не игра словами. Иногда в старости открывается способность видеть, то что за вуалью. Слов, образов, мыслей.

— Я не могу, Вацлав, — качнула головой Джеки, — Даже для вас.

Простите, но то, что вы открыли... — её голос сорвался, — не для людей, не для смертных... Том... Томас, который получал всегда и всё первым, проплыл несколько метров верх по реке. Даже в свои 97 он обходился без посторонней помощи. Я почти на полстолетия младше, но так бы не смогла. Я готова поклясться, что видела, как с каждым гребком его мышцы наливаются силой. А кожа становится упругой. Он выбрался на берег выше, метров за пятьдесят отсюда. Молодой, красивый тридцатилетний, Я бросилась к нему, не добежала, задыхнулась упала. Он подскочил ко мне, поднял. Я чувствовала упругость его кожи, свежесть дыхания, словно в рекламе... — смешно... — Джеки улыбнулась и тут же всхлипнула. Рука Вацлава вся в пигментных старческих пятнах, но всё ещё сильная легла на её ладонь.

— Жаклин, вам больно, не нужно рассказывать, я знаю, работаю тут сто лет ... Поэтому существует правило-супружеские пары должны заходить в воду вместе или наоборот, а встретиться уже в мнемоцентре. Инструктор обязан был предупредить...

Джеки кивнула.

— Я знаю, меня тут не должно быть, но Томас Ротд, не читает правила, он их создаёт. ... и... он всегда был благороден. Поэтому я его и полюбила. Всё повторилось. Как в юности он подхватил меня на руки, такой милый, растерянный, но готовый помочь. Кто-нибудь, помогите! — кричал он, прижимая меня к груди, — Помогите, пожалуйста! Старой леди плохо... Будьте вы прокляты, Вацлав Мунин со своей мунинской рекой и планетой! Если бы Том не узнал о ней!!!

Джекки разрыдалась.

— Я проклят, Жаклин, уже давно, — Вацлав прижал плачущую женщину к своей груди, — Да, если о Реке узнают, Землю вскоре заполонят юные зомби с темной иномирья внутри. Но что я могу сделать?

Он, с трудом поднялся, протянул руку.

— Не плачьте, идёте со мной.

Джеки не сопротивлялась, когда они вошли в воду.

— Всё пройдёт, Жаклин. Сделайте несколько шагов против течения. Вы всё забудете. Ночь беспомыслия не так страшна, как кажется. Собственно, вы даже не заметите. Вы ведь станете юны и прекрасны, как прежде. Ваш Томас ждёт в мнемоцентре, вся информация о вашем прошлом записана, Месяц реабилитации, и вы снова станете семьёй. Всего несколько шагов, Жаклин. Не бойтесь.

— Информация, не воспоминания, — перебила Джеки, — то что вы описали, как смерть. Больно только тем, кто остаётся. А вы? Вы пройдёте со мной эти несколько шагов?

— Нет, — Вацлав качнул головой, — мне... мне в другую сторону.

— В другую? — Джеки растерянно посмотрела вдаль, — Вниз по течению? Но, там... ничего, вечная тьма. Ночь. Поэтому река так и называется, инструктор...

— ...ничего не знает. Он лишь оглашает правила. Реки впадают в океан. И Бран телех кта тоже. Река тут одна... Похоже, она вообще одна струится сквозь всё мироздание, и лишь иногда выходит на поверхность.

— И вы отправитесь...

— Да, Жаклин, я же путешественник. Я открыл реку, планету, но ещё не добрался до океана. Настал и его черёд. Я должен узнать, что там, в конце. Если поднимаясь вверх мы теряем воспоминания, то...

— Вы... — запнулась, — Вы станете... богом?

— Вряд ли, милая Джеки. Богов и так слишком много для одной вселенной. Я надеюсь, что отвечу на простой детский вопрос — куда уходит вчерашний день и откуда приходит завтрашний. И обязательно расскажу вам, — Вацлав нежно коснулся её лица. Джеки не сразу поняла, что он вытирает ей слёзы. — Не плачьте Джеки, а то речка выйдет из берегов.

— Вы не исправимы! Я не плачу, это лишь брызги, — соврала Жаклин и улыбнулась, уж этому-то она успела научиться, — Вниз по великой реке. Долгое путешествие... Я буду вас ждать, Вацлав Мунин.

Он кивнул.

— Спасибо. У вас оно тоже будет долгим, Жаклин. Ну, смелее, несколько шагов и страх исчезнет.

— Вы не поняли меня, Вацлав. Каждое путешествие должно подходить к концу. Даже самое долгое. Всегда нужно возвращаться домой, — Джеки улыбнулась и коснулась серебряного крестика на груди, — Я была с мужем до конца, как и должна. Перед полётом мы развелись. Я вошла в реку, Вацлав, чтоб проводить вас. Вверх или вниз. А мне... мне просто на берег. Я стара для новой жизни, и молода для вечности. На рассвете я улетаю. Внучка уже заждалась.

— Вы чудо, Жаклин Нуар. Не случайно весь мир влюблён в вас. Простите за то, что не попросил автографа и прощайте, Джеки. Я долго откладывал, собирался с духом.

Одному страшно. Один на один с темнотой. Но сегодня я встретил вас и... Спасибо, Джеки! Прощайте, и простите. Вы не ошиблись, я открыл не источник вечной жизни. Наоборот. Когда я понял, что это, я назвал её Летой*...

— Вы очень мудры, Вацлав.

— Нет, я безгранично глуп.

Он раскинул руки и перевернулся на спину. Волны Реки струящейся ночи, подняли на серебряный щит уставшее тело. Вацлав улыбался, Джеки плакала. Брен телех кта со своим временным тахионным потоком или что там у неё было, несла старого путешественника к великому океану.

Женщина смыла слёзы и вышла на берег. Тряхнула анрацитово-чёрными волосами. Брызги разлетелись по небу бриллиантами звёзд. На длинных ресницах всё ещё сверкали слёзы. Заканчивалось что-то неизмеримо важное, но ведь что-то обязательно начнётся. Стоит только немного подождать. Ведь в этом смысл вечности. Тем более она обещала. Навстречу ей спешил взволнованный мнемотехник.

— Мисс, простите, вы не видели тут пожилой леди и престарелого джентльмена в шляпе.

Она качнула головой:

— Они, наверное, ушли.

— Вдвоём?

— Думаю, да.

— Но куда? — изумился техник, — тут нет дорог, мнемоцентр, река, космопорт, джунгли. Это же остров.

— Вы ошибаетесь, дорог множество и все очень длинные.

— Простите, мисс, а вы кто? Как ваше имя?

— Никта*.

— Что значит — никто?! Назовите своё имя, юная леди! В любом случае вы не должны здесь находиться без разрешения..

— Я назвала. И без разрешения здесь находитесь только вы. Поторопитесь. Пришла Ночь и быть может даже плакала какая-то богиня.

— Что? О, Боже, мисс! Живее к шатлам. Река выходит из берегов.

*Никта - в греческом мифотворчестве персонификация Ночи. Мать Смерти, Сна, Старости и т.д.